

Семьпе ебика

Нарби со времекем

И. Барс

Четыре Сына

И. Барс

Четыре сына. Игры со временем

«Автор»

2019

Барс И.

Четыре сына. Игры со временем / И. Барс — «Автор»,
2019 — (Четыре Сына)

ISBN 978-5-532-98862-0

После череды потерь близких Энира должна была сломаться, но она смогла пережить темные для себя времена. Мир узнал о ней, Светлой - потомке истребленных во времена Великой войны иллиров. Теперь на нее открыли охоту. Сможет ли Эни найти путь в Вейлир - Запретные леса вейланов? Поможет ли ей Дамаск или предаст, выдав Ардалу, исполняя долг? Отпустит ли ее мужчина, пробудивший в ней чувства после смерти Тэйпа? И чем грозит восхождение нового султана на юге?

ISBN 978-5-532-98862-0

© Барс И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	63
Глава 10	68
Глава 11	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

И. Барс

Четыре сына. Игры со временем

Пролог

Грянул гром! Разверзлись небеса!

Они пришли. Их четверо.

Но нет от них помощи. Они не встанут на вашу защиту, люди!

Их поглотит страх перед черными глазами.

Я вижу смерть в этих глазах, вижу уничтожение человечества!

Вы умрете. Вы все умрете!..

...

Что же это?.. Кто они?.. Они пришли помочь?..

Нет, нет... Они вернулись убить свое творение...

О, Оркус! Я вижу, Эва разламывается пополам!

...

Но их Сын... Они трепещут перед своим Сыном...

Пророчество сумасшедшей провидицы

на площади святого Ефона

город Ратори

3038 г.

Глава 1

Оттепель

Лисбет, провинция Гиллиан

Крастр святого Варфея

3038 г.

Лучи теплого золотого Илара купались в хрустальной воде обшарпанного фонтанчика, выросшего посреди нечесаной зеленой лужайки. Киф с удовольствием вдохнул чистый лесной воздух и, собравшись с духом, направился напрямиком в крастр. Святой покой сторожили тяжелые дисовые двери. Они всегда отворялись страждущим.

Объемный запах ладана ударил в нос. Присмотревшись к сумеречной темноте пустого зала молитв, Киф заметил ее. Она сидела на второй скамейке от алтаря и разглядывала небольшую статую старца в обмотках. Киф знал, что подруга слышала приход постороннего в храм, как знал, что она не обернется. Поэтому сам направился к ней.

Сев рядом, квихельм молча устался на местного идола. Тишина была ватной и неприятной. Если бы не легкий треск свечей, можно было бы услышать, что творится в голове у монахинь на улице.

– Как твоя молитва? – нарушил молчание Киф.

– Молитва? – бесстрастно переспросила Энира. – Молитва кому?

– Ты же ходишь в этот храм, сидишь перед алтарем целыми днями. Не знаю, кому ты там молишься. Оркусу, Гелле, Варфею ли этому.

Киф посмотрел на профиль подруги, однако лица ее, скрытого капюшоном, не увидел. Голос же девушки оставался безразличным:

– С таким же успехом я могу молиться полевым мышам. Помогают они мне ровно столько же.

Температура воздуха в крастре будто упала на пару градусов. И такие изменения стали уже привычным явлением в последнее время. Настроение и окружающая атмосфера менялись в зависимости от состояния подруги. А всё после этого проклятого Фостэйна. Что уж там произошло, Киф достоверно не знал, так как вместе с Юханом сидел в темнице у тамошнего короля. А жаль. Тогда бы хоть понятно стало, что творится с Энирой. Прошло уже два месяца, как им удалось сбежать, а подруга заговорила лишь несколько седмиц назад. Связано ли это со смертью Тэйпа Хардрага, с восставшими из небытия фархарами, со взрывом ли, устроенным всё тем же Хардрагом, Киф не знал, а Энира молчала.

Не желая быть заложником аномального состояния, лир Гальморт поспешил сменить тему разговора:

– Тогда скажи, когда мы уходим? Я уже устал слушать, какая же колючая солома в конюшне.

– Ну вот куда ты хочешь уйти, Киф? – со вздохом спросила Энира. – В Квихл? Ты забыл, как нам на границе Гиваргиса мортенийцы по жопе надавали? Тебе, если ты забыл, больше всех досталось.

Вспомнив засаду близ деревушки Вешенки и свое ранение в бедро огненным пульсаром, Киф насупился.

– Я уже потеряла отца, Селира, Тэйпа. Спасибо, но вас терять я не хочу.

– И что, теперь мы тут всю жизнь будем сидеть из-за твоих страхов? – недовольно проворчал Гальморт, облокотившись на спинку скамьи. – Чего ты ждешь?

Энира одним резким движением стянула капюшон с головы, открыв взору золотистый водопад волос, и, размашисто раскинув руки в стороны, воскликнула:

– Чуда, Киф! Я жду чуда! Большого и прекрасного! Чуда, которое укажет мне направление в сторону Запретных Лесов. Ты представь, послать – послали, а дорогу не показали.

Пока подруга возмущенно распиналась, Киф расплылся в улыбке. Он уже давно не видел от эмоциональной Эниры таких ярких всплесков, да еще сопровождаемых актерской игрой. Реакция квихельма не осталась без внимания. Лира Бэр строго глянула на него своими необыкновенными аквамариновыми глазами.

– Чего ты мне свои зубы скалишь?

– Фу, как некрасиво, лира Энира, – напыщенно сморщил нос Киф, напомнив подруге об их высокородном положении.

– Ой, вы посмотрите-ка, какая ханжа тут ко мне присела, – удивленно выгнула бровь девушка. – Как крыс жареных с голодухи трескать, так ничего, мы не гордые, а зубы я его упомянула, так тут же о голубой крови он вспомнил.

Киф рассмеялся. Рассмеялся не от слов лиры, а от осознания, что она начала наконец-таки «оживать». Однако смех Гальморга ее не веселил.

– Серьезно, Киф, я уже столько вариантов передумала, как попасть в Запретные Леса, у меня уже скоро мозг через ухо вытечет, – нервно указывая пальцем на ушную раковину, безысходно произнесла Эни. – Я уже даже думала (свят, свят, свят!) обратно к Айдану вернуться, он ведь единственный, кто там побывал. Ты прочувствовал всю силу моего отчаяния?

Доказывая правдивость своих слов, Энира сложила руки на спинке впереди стоящей скамьи, словно ученица за партой, и в бессилии уронила на них свою златовласую голову.

– Так, может, всё-таки Квихл? Сараха, если сильно постарается, и Леса увидит. Да и неплохо было бы спросить ее, что за деревяшку нам оставил Хардраг...

– Киф! – прервала друга Энира, резко повернув на него голову.

– План-то изначально таков и был...

– Мортенийцы, Киф!

Теперь пришел черед недовольства Гальморга.

– А теперь помолчи и послушай. Если ты считаешь, что, сидя здесь, ты как-то уберегаешь бедное и несчастное братство квихельмов от мортенийцев, то сильно ошибаешься. Во-первых, если мортенийцы решили взять штурмом Квихл, они это сделают, вне зависимости, есть ты там или нет. Во-вторых, если они всё же действительно до такого додумаются, то отхватят на всю оставшуюся жизнь. В-третьих, я до сих пор поверить не могу, что мы безропотно следовали за тобой и забрели в этот захудалый крастр. Теперь сидим тут, как истуканы, месяц уже! Траву в огороде дергаем да репу собираем. Вот это я понимаю, дело для настоящих квихельмов!

Ничего не ответив, Энира медленно отвела взгляд от темных глаз друга. Уткнувшись подбородком в сложенные руки, она долго разглядывала статую святого Варфея. Минуты плавно перетекали друг в друга. Слушая мягкий треск догорающих свечей и легкий стрекот кузнечика за стенами неприглядного старого крастра, Киф разглядывал абсурдную квинтэссенцию нищеты и роскоши в этом маленьком зале. Подгнившие деревянные полы и осыпающаяся со стен штукатурка безнадежно пытались гармонировать с золотыми образами, платиновым Иларом над алтарем и хрустальной люстрой, привинченной к худому потолку.

Словно по негласному приказу, лира поднялась и направилась к выходу.

– Ты куда? – слегка удивленным тоном спросил Киф.

– Забирать Юхана. Пора уходить, – ответила девушка, не замедляясь ни на секунду.

Квихельм поспешил за подругой, нагнав ее у выхода.

– А ты знаешь, где он?

Энира лишь хитро улыбнулась.

Только спустя пару минут Киф догадался, куда они направляются. Минув крастр, дворик, огород и маленький перелесок, пред ними, словно серебряный удав на мшистой равнине, расстелилась небольшая речушка, где стирали белье монахини. Неподалеку от водоема рос

куст. А за кустом сидел длинноволосый юноша. Смотрел он в сторону монашек, но Киф знал, что взгляд его неотрывно следил за одной из них – самой молодой.

Первый раз в жизни Юхан Фалемот влюбился. Влюбился и превратился в какого-то дурака. Поначалу Гальморта это даже веселило, но чем дальше, тем больше лучший друг напоминал ему сопливого осла. Он перестал понимать шутки, и всё его нахождение в крастре сводилось к маниакальному преследованию объекта своего обожания.

– Юхан, хорош за кустом сидеть! Иди сюда! – зычно позвал Киф, чтобы услышал его не только Фалемот.

Юхан трусливо припал к земле, видимо, желая провалиться сквозь нее. Одновременно с этим монахини синхронно разогнулись и посмотрели в сторону крика, а Киф довольно-таки ощутимо получил кулаком в плечо от Эниры. Однако это несколько не расстроило Гальморта, которого разрывало от желания расхохотаться.

– Где твое благородство, Киф? – осуждающе произнесла лира Бэр.

– А его где? – мотнул головой в сторону скрывающегося за листвой друга Гальморт, испытывая нечто вроде чувства стыда за поведение Фалемота.

– Сразу видно, что ты никогда не испытывал этого светлого чувства – любовь.

– Зато ты у нас в этом деле бывала, оказывается, – с улыбкой парировал Гальморт и, опережая возмущение Эниры, вновь громко крикнул. – Юхан, поднимайся с земли, простудишься!

– Ты сказочный мерзавец, Азанткиф, – негромко протянула подруга, назвав квихельма полным именем, зная наверняка, что Кифа от этого передегеривает.

В то же время красный, как спелый гранат, Юхан подскочил и стремительной поступью направился в сторону друзей. Его глаза были полны безумия, а кулаки сжаты до побелевших костяшек. Киф даже с интригующим любопытством гадал, врежет ему друг или нет. Однако разгадке помешала Энира. Она юркой норкой выскочила навстречу Фалемоту и, не дав ему добраться до своего обличителя, схватила пухлогубого квихельма за руку, вытащила у него из-за пояса именной нож и едва уловимым движением резанула Юхана вдоль предплечья, после чего потащила не успевшего ничего осознать друга в сторону ручья.

Киф опешил. Дразня Фалемота, он рассматривал разные варианты развития событий, но такого точно не ожидал.

Дабы не пропустить ни одного мгновения, Киф поспешил за ними. Не успев добежать, он услышал невероятный ужас в голосе Эниры, которая уже дотащила истекающего кровью Юхана к монахиням:

– Юлифа, прошу, помоги! – обратилась она к самой молодой монашке. – Юхан споткнулся в конюшне и упал на перевернутый плуг!

Юная девушка с покрытой головой тут же кинула мокрое белье в таз и подбежала к Фалемоту. Ей потребовалось три секунды, чтобы оценить тяжесть ранения. Похоже, именно она отвечала за врачевание в крастре, и Энира это откуда-то знала. Хотя Киф был уверен, что подруга жила «в себе» до сегодняшнего дня, даже не осознавая, где находится.

Монахиня кинула емкую фразу на дейтирском языке самой старой из них, после чего обеспокоенно посмотрела на Эниру своими янтарными глазами.

– Необходимо обеззаразить и наложить швы, – строго произнесла девушка мягким голосом, который, казалось, вовсе не подходил для таких серьезных фраз. – Рана довольно глубокая. Но у нас нет обезболивающего средства, Эни.

Разыгрывая практически паническое безумие (хотя Киф, как и сама лира, знал, что эта рана для Юхана сродни обычной царапине), Энира затараторила:

– Юхан – квихельм, выдержит. Но нужно спешить! Он потерял много крови! Юлифа, прости, я знаю, что вам нельзя контактировать с мужчинами, и, если бы не этот нелепый случай, я бы никогда не стала тебя утруждать...

– Ничего страшного, Эни, – накладывая давящую повязку чуть выше локтя Фалемота, ответила Юлифа.

Всё это время Киф наблюдал не только за действиями монашки, но и за Юханом. Он стоял, не шевелясь, белый, как свежий творожок, и, казалось, боялся вздохнуть. Карие глаза друга впитывали лицо Юлифы, словно сама Гелла спустилась к нему с небес. За время знакомства Киф видел Фалемота в разных ипостасях, и, честно говоря, большинство из них были далеко не самые лицеприятные. Но это его состояние вызывало полнейшее недоумение и неприятие.

– Эни, пожалуйста, помоги ему идти. Следуйте за мной.

Молодая монахиня направилась в сторону крастра, Энира же перехватила здоровую руку Юхана и повела его следом, но предварительно испепеляюще зыркнула на Кифа, кивком заставляя следовать за ними.

Застывшие посреди ручья монашки молча наблюдали развернувшуюся картину.

– Прошу прощения, – вежливо поклонился Гальморт пожилым дамам перед уходом.

Спустя полчаса Киф и Энира сидели на булыжниках возле капеллы. Как только они переступили порог часовни, Эни под предлогом поиска коры белой ивы тут же оставила Юхана и Юлифу наедине. Хотя Киф искренне не понимал, зачем она это сделала. Скорее всего, Юхан лежит там уже без сознания от переизбытка чувств.

– И что теперь? – нарушил тишину Гальморт.

Перестав расчерчивать прутиком хаотичные линии на земле, девушка лениво перевела единственные в своем роде сине-зеленые глаза, выдержала немую укоризненную паузу, после чего вновь вернулась к своему незамысловатому рисованию.

– Зачем ты оставила их наедине? Он же еще больше втрескается. Мы уходить собрались, а после сегодняшнего ты его отсюда теперь и калачом не выманишь, – обвиняющим полупшепотом продолжил Киф. – Так бы он на расстоянии повздыхал, пострадал да успокоился, а ты их познакомила, теперь он в этом крастре корни пустит.

В ответ Энира лишь негромко рассмеялась, впервые за долгое время.

– Что смешного?

– Ты поступил как свинья, Киф, – продолжая улыбаться, спокойно произнесла подруга, почесав медового цвета бровь. – Хочешь поискать виноватых, взгляни в зеркало. Ты опозорил Юхана в Её глазах. Так что если бы не я, то, уверяю тебя, друга бы ты сегодня потерял.

– Да я уже его потерял. То, что сейчас сидит в той капелле, – то не мой друг, того человека я не знаю, – грустно вздохнул Гальморт.

Он не хотел обижать Фалемота. Такая же беда могла случиться и с ним. Всё равно у него с этой Юлифой ничего бы не получилось. Ей с мужчинами не просто разговаривать запрещено, ей на них и смотреть-то не разрешается. Так что исключительно в «медицинских» целях Киф, пусть жестоко, но, несомненно, действенно, решил пристыдить друга так, чтобы ему при одной только мысли о слежке за Юлифой становилось дурно.

– Я обязательно дождусь того момента, когда с тобой произойдет нечто подобное, и с превеликим удовольствием напомню тебе эту историю. А Юхан, думаю, постарается воспроизвести эпизод с кустом, но так, чтобы на его месте оказался ты.

– Если такое всё же произойдет, я искренне надеюсь, что моего воспитания хватит, чтобы не сидеть под куст...

Дверь часовни отворилась, оборвав Кифа на полуслове, и на свет вышла Юлифа. Как полагается, лир Гальморт тут же поднялся на ноги. Однако монахиня вниманием его не удостоила. Она посмотрела на Эниру, которая уже успела надеть маску безутешной тревоги.

– Всё хорошо, Эни. Рану я обработала и зашила, – изогнула красивые полные губы в поддерживающую улыбку Юлифа, обнажив белые зубы с небольшой щелью между резцами и

показав очаровательную ямочку на левой щеке. – Через час подойди, пожалуйста, на кухню, я приготовлю Юхану суп. Он должен поесть.

– Ох, Юлифа, ты не представляешь, как я тебе благодарна. Дай Оркус тебе здоровья. Еще раз прости за беспокойство.

Пока Энира рассыпалась в притворных извинениях, Киф перевел свой взор в полумрак капеллы. Оттуда, словно мертвец из склепа, заторможенно шагал Юхан.

– Юлифа... – еле слышно позвал квихельм монахиню, как только она обернулась, он очень нехарактерным для себя голосом произнес: – Ты говорила, что нужна будет перевязка. Когда я смогу прийти к тебе?

Лицо Фалемота было белее снега, а уши краснее самого спелого томата. Киф никогда бы не поверил, что эта здоровая мускулистая детина будет мяться, как пятилетняя испуганная девочка.

– Завтра после утренней молитвы подходи к капелле, – ответила Юлифа и нежно улыбнулась ему.

– О, не беспокойся, Юлифа, я сама его перевяжу, нам просто сегодня нужно уходить из крастра. Хватит вас уже объедать, – вмешалась Энира, подходя к Фалемоту.

– Как уходить!?! – воскликнул Юхан, алая краска с его ушей за секунду залила всё лицо. – Куда!?!

– Нам нужно идти, Юхан, – с нажимом на слове «идти» произнесла лира, очень многозначительно посмотрев на него со всей высоты своего небольшого роста.

– Очень жаль. Вы нас нисколько не стесняете. И, чтобы вы знали, мы всегда будем рады видеть вас в нашем крастре.

Киф не встречал в этот странный для себя разговор, а лишь слушал и наблюдал. И поразило его не то, что монашка ответила Юхану, а то, что она действительно расстроилась, когда Эни сказала про уход. Когда же девушка, перед тем как их покинуть, едва заметно кинула смущенный взгляд на Фалемота, у Гальморта слегка приоткрылся рот.

У Юхана был такой вид, словно у него случился сердечный приступ. Он больше так ничего и не сказал, провожая монашку круглыми стеклянными глазами. Как только она скрылась из виду, он моментально ожил и набросился с криками на Эниру:

– Как ты могла!?! Зачем ты так со мной поступила!?! Еще хуже, чем этот подонок! – ткнул Юхан пальцем в Кифа. – Для чего ты подарила мне надежду, если знала, что скоро уходить!?! Зачем!?! Зачем!?! Зачем!?! Это подло! Это так подло!..

На каждое свое восклицание Юхан с бешенством пинал ни в чем неповинную траву, а когда выдохся, плюхнулся на ближайший камень. Не обращая внимания на распоротое предплечье, он обреченно обхватил голову руками и, словно заведенный маятник, начал раскачиваться взад-вперед.

Киф никогда в жизни не видел такой трагедии в друге. С легким переживанием он неуверенно подошел поближе и попытался заглянуть в лицо Фалемота.

«Уж не плачет ли он там?» – проскользнула в голове прохладная мысль.

Пообещав себе избить друга до полусмерти, если он сейчас рыдает, Киф осторожно потряс его за плечо:

– Дружище, ты чего? Из-за монашки, что ли, т..?

Договорить Гальморт не успел. Юхан от души врезал в челюсть квихельму. Рот наполнился металлическим вкусом крови. С радостью осознав, что глаза друга наполнены злостью, а не слезами, Киф с облегчением выдохнул. Отвечать на удар Гальморт не собирался, а вот Энира решила утихомирить друга.

Выскочив перед Кифом, как Кардаш из табакерки, она звонко зарядила Фалемоту бодрящую пощечину и, с силой оттолкнув, грозно прикрикнула:

– А ну угомонись немедленно и вытри сопли! Хочешь оставаться – оставайся! Тебя никто не тащит за собой. Хочешь любить и быть любимым? Прекрасно! Я за тебя только порадуюсь.

Амплитудно развернувшись, так что длинные волосы вспорхнули воздушным вальсом, Энира резво пошла прочь. С жалостью глянув на растерявшегося друга, Киф последовал за лирой.

Она нашла правильные слова, чтобы Юхан не просто безропотно покинул вместе с ними крастр, а чтобы при этом еще и вину свою почувствовал. Лира Бэр умела это делать так, как никто. И действительно, спустя час, когда Энира попрощалась с несколькими монахинями, снабдившими ее провизией, и они с Кифом уже выходили из крастра, их нагнал Юхан.

Вид у него был точно у побитой собаки.

– Юхан, правда, если хочешь, оставайся, – великодушно предложила Энира, хотя Киф знал наверняка, что лира в душе сейчас ликует.

– Вы ж пропадете без меня, – чересчур серьезно произнес Фалемот, после чего, кривовато ослабившись, добавил: – К тому же, не пройдет и седмицы, как меня сожгут на святом огне за домогательства к монахине.

Энира и Киф рассмеялись. Гальморт еле сдержался, чтобы не сказать, что скорее Юлифа начнет домогаться до Юхана, чем он до нее. Хотя лир был крайне рад, что Фалемот маленькими шажками пытается вернуться в свое прежнее «невлюбленное» состояние.

Глава 2

Союз лжи

о. Ардал

Вурадех

3038 г.

В час великой беды заключаются невозможные союзы. И самый заклятый враг вдруг становится другом.

В огромном стеклянном зале, расположенном на утесе острова Ардал, собрались все магические сливки Эвы. Гремящее за прозрачными стенами море Геллы и плывущие над головой хмурые облака никак не могли привлечь внимание Дамаска. По правую руку от него сидел темнокожий Бирм, а по левую – неизвестный седобородый мужчина в мехах. Перед ними стоял длинный стол из белой кости, очевидно, какого-то очень крупного животного. Это произведения искусства обтирали локтями своих разномастных костюмов восемьдесят человек и пятеро нелюдей. Что их объединяло? Возраст, нация, религия, язык – у всех этот набор отличался. Кроме одного – глаза. Все собравшиеся в этом зале имели светлый цвет глаз: голубой, серый, синий, редкий зеленый и лишь один желтый. А значит, сомнений быть не могло, в зале Совета собрались маги.

Люди особо не интересовали Дамаска, а вот двое полупрозрачных вейланов, пара каптов, покрытых с ног до головы волосами, и один желтоглазый грагель поглотили всё его внимание. Про них он только в книжках читал. Так что немудрено, что разглядывал султан Эссора представителей иных рас не самым приличным образом. Он перешел на магическое зрение. Ауры нелюдей отличались от аур, которые привык видеть Дамаск. Сильные серо-зеленые энергетические оболочки вейланов текли и переливались, местами обрываясь, словно разноцветный газ. Аура каптов выглядела стабильной, крепкой и яркой, что говорило о непредсказуемо опасных магических способностях, несмотря на их забавную внешность. От темно-синего биополя грагеля веяло Силой Бездны. Заметив за спиной серолицего едва различимую дымку, Дамаск с удивлением осознал, что грагель притащил с собой демона и каким-то образом запихнул того в астрал.

Ауры же у собравшихся здесь людей также излучали поразительную мощь. Сидя у себя в Эссоре, Дамаск был уверен, что он один из самых сильных магов на Эве и равных ему нет. Однако сегодняшняя встреча показала, что достойных соперников хоть отбавляй. Особенно синеглазый мужчина, расположившийся на противоположной стороне стола. Его лицо походило на каменную маску – абсолютно бесстрастное. Но он не был равнодушен. Его выдавала ярчайшая красно-фиолетовая магическая оболочка, которая временами вспыхивала, стоило ему скользнуть взглядом по ауре очередного сильного колдуна.

– Приветствую вас, господа! – раздался низкий голос на общепризнанном геллийском языке, усиленный магией, с конца стола, где до этого момента стояли три пустых стула с высокими спинками. Сейчас там по-хозяйски расположились трое молодых на вид мужчин. Правители.

Дамаск вдруг понял, что Великие Маги находятся здесь уже давно, наблюдая за своими «подданными». Скрываясь под пологом невидимости, они слушали и оценивали самых влиятельных колдунов Эвы.

– Сегодня я созвал вас не как обладателей титулов, а как носителей Силы, – уверенно чеканил слова Архимаг Бонифаций. – Лишь она может спасти нас, всё человечество и, конечно, наши дружественные расы.

Бонифаций едва склонил голову в почтительном поклоне в сторону вейланов, каптов и скупающего грагеля.

– Поэтому никаких разделений на королей, султанов, гранов, лиров и баронов. Оставьте свои мелкие дележки земель и власти за порогом. Сегодня все здесь – савиты, и все равны. В ваши владения скоро придет более страшный враг, чем вы являетесь друг другу.

Главный Правитель выдержал осмысленную паузу, чтобы собравшиеся смогли проникнуться силой его слов, после чего продолжил излагать заранее заготовленную речь:

– Как вы уже знаете, фархары преодолели защищавшую нас Границу. Известно об этом стало год назад. Но, возможно, они уничтожили Стену много раньше. Чего они выжидают? Долгое время было неизвестно. Однако буквально пару месяцев назад они атаковали Къюнгонд, тем самым пролив свет на свои планы. Савит Айдан, расскажите нам, что произошло в тот день в Белом Замке. Какую цель преследовали Темные?

«Айдан III, что ли?» – удивился Дамаск, суетливо забежав взглядом по незнакомым лицам, пытаясь понять, кто из них является его потенциальным врагом, угрожающим Эссору.

– Я бы многое отдал, чтобы доподлинно всё знать самому, – ответил тот самый синеглазый мужчина с каменным лицом.

Султан Эссора был слегка озадачен. Непобедимого и всемогущего Айдана III он представлял солидным мужем лет так эдак за шестьдесят, с гривой седых волос и бородой до пояса. А тут молодой совсем мужчина, с лицом заправского жигана-лимона, любимца и любителя дворцовых красавиц. Если бы Дамаск не видел его ауру, то вообще бы не понял, что здесь делает этот хлыщ.

– Ваши люди, савит Бонифаций, от и до изучили каждый клочок моей земли, – тем временем продолжал король Фостэйна с явной ноткой иронии в голосе. – И, скорее всего, вам уже известно, что под замком находились катакомбы с магическим источником, о котором никто не знал и не слышал. Именно туда хотели попасть фархары. То, что они искали, нашел другой человек. Близко я эту вещь не видел и в руках не держал, поэтому, что это такое, затрудняюсь сказать. Похоже на деревяшку с иероглифами. Впрочем, вам и это уже известно.

– А эта информация и не для нас, савит Айдан, – ответил ему другой Правитель по правую руку от Бонифация. – Так как мы теряемся в догадках, за чем охотятся Темные, то помощь наших старших братьев очень бы не помешала.

После этих слов Дамаск обратил свое внимание на вейланов, которые начали активно совещаться шепотом.

– Они собирают части Скипетра Власти, – неожиданно заговорил серолицый грагель полушипящим голосом, вальяжно растягивая слова.

Повисло молчание, комом собравшееся над грагелем.

– Скипетра Власти? – переспросил мужчина по правую руку от Архимага. – Того самого? Но он же уничтожен?

– Нет, савит Кронус, он был разделен на части и спрятан. После Войны с фархарами и заточения их на островах народы знали, что Скипетр разделен, а хранителям было известно, где находятся части артефакта. Однако, как только хранители покинули наш мир, многие утратили эти знания. Лишь единицы помнят, что Скипетр еще на Эве, – грагель ленивым взмахом ладони указал на вейланов и каптов. – Как я вижу, наши добрые соседи тоже догадались о намерениях фархаров.

– То есть вы хотите сказать, сахран Бурлон, что пока Темные не соберут все части Скипетра, они нападать не будут? – очень высокомерно, словно не ему только что намекнули на несостоятельность, как главному представителю всего человечества, спросил Бонифаций.

Грагель оскалил острые зубы в улыбке, тихо рассмеявшись.

– Ну что вы. Фархары не столь деликатны. Не думаю, что если они не найдут одну часть артефакта, то оставят нас – надзирателей, заточивших их на три тысячи лет, безнаказанными. Они просто перестраховываются. Если им удастся собрать весь Скипетр, они без труда смогут

его использовать. Артефакт создавался для человеческой магии, как самой разрушительной, но наши предки не учли, что магия людей близка к магии фархаров, просто в разы слабее...

– Активировать великий Скипетр способен лишь иллир, – вмешался седобородый вейлан, слегка замерцав, словно его тело сотряс невидимый ветер.

Грагель, вразвалочку облокотившийся на спинку стула, медленно подался вперед и уперся руками о стол. Дамаск про себя отметил, что облик грагеля в кроваво-красной мантии вызывает в нем легкий морозец по спине.

– А ты не подумал, Милвишан, что новый гир Темных «слегка» отличается от остальных представителей своей расы? – с едва уловимой нотой издевки спросил грагель. – Попробуй представить Силу этого фархара, если он смог изменить Границу.

– Какая разница, что смог он изменить, – ответил желтоглазому другой вейлан. – Ведь не подвластен Скипетр иной магии. Лишь иллирийской. А все иллиры покинули наш мир...

– Не все! – громко произнес Кронус.

Нелюди тут же прекратили дискутировать и повернули головы на тройку Правителей.

– О чем ты говоришь, Кронус? – позабыв даже о видимости вежливости, задал вопрос сахран грагелей.

Дамаск сразу отметил, как изменился Бурлон. Вот он сидел весь такой расслабленный и надменный, а тут раз! вся спесь слетела, будто пух под порывом ветра. Вейланы же настолько сильно начали мерцать, что практически перестали быть видимыми. Они склонили полупрозрачные головы друг к другу и начали тихо переговариваться на своем языке. Единственное, что разобрал Дамаск, это слово «Мелий».

– В том же Кьюнгонде, оказывается, находилась одна из Светлых, и Темные знают о ней. Не так ли, савит Айдан? – осуждающе спросил глава Карающих Кронус.

Ноздри короля Фостэйна гневно раздулись, он раздраженно потер щетину на щеке, после чего резко бросил:

– Да, савит Кронус, находилась.

Ропот в стеклянном зале поднялся со всех концов стола.

– Этого не может быть... – грагель непонимающе склонил голову набок, рассматривая синеглазого короля и наморщив лоб там, где у людей находятся брови.

– Где она? – перекрикивая поднявшуюся среди магов панику, спросил вейлан Милвишан.

– Тишина! – громом разразился голос Бонифация.

Как только шум улегся в ватную тишину, Айдан ответил:

– Она сбежала.

– Как выглядела Светлая? – спросил второй вейлан.

На челюсти короля Фостэйна ходуном заходили желваки.

– У нее светлые волосы и сине-зеленые глаза...

– Это не иллир! – чуть не подпрыгнув, воскликнул грагель.

– Кто произвел ее на свет? – не обращая внимания на серолицего, продолжил Милвишан допрос.

– Насколько мне известно, отец – маг, а мать – обычная женщина.

– Известно ли вам, когда пришло дитя в наш мир?

– Точной даты не знаю, известен лишь месяц рождения и год.

– Каков же? – нетерпеливо подогнал Милвишан.

– 3023 год, последний месяц длинных ночей.

Король Фостэйна вновь потерял интерес для вейланов, и они яро начали обсуждения полусшепотом.

– Господа вейланы! – прервал их Архимаг. – Не поделитесь ли вы с нами?

– Это иллир, савит Бонифаций, – переглянувшись со своим собратом, ответил Милвишан. – Быть может, кровь в жилах нечиста, но Сила в нем – иллира.

– Благодарим вас, Милвишан, – кивком отвесил «реверанс» Бонифаций. – Вы подтвердили наши догадки. А теперь непосредственно то, для чего мы здесь собрались. В королевствах и султанатах, близких к Заршору и Шахронду, будут установлены дополнительные сторожевые артефакты. Поэтому, савит Шифор, передайте вашему султану, что в Ладжит через две седмицы прибудет человек из Ардала. То же самое ожидает Креон, Волд и Акасис. Савит Карил, предупредить королей и султана этих стран необходимо вам.

Сухопарый мужчина с пергаментной кожей и пронзительными голубыми глазами энергично кивнул. Дамаск про себя отметил этого колдуна. Несмотря на практически немощную наружность, магическая Сила была из него неиссякаемым ключом.

– В каждую страну, – продолжил Правитель, – будут направлены наши люди для обучения местных магов и, конечно же, для своевременной защиты, если таковая потребуется...

– Вы слишком самоуверенны, если думаете защититься от фархов парой магов, – встрял грагель, скривившись в подобие усмешки.

– А мы и не надеемся, сахран Бурлон, – не растерявшись, ответил Кронус. – По крайней мере, фархары будут знать, что мы не намерены просто так сдаваться и готовы дать им бой.

– Зачем же демонстрировать свою немощность?

– Нам, конечно, не сравниться с Силой Темных, но, уверяю вас, сахран, маги людей еще способны удивить, – с легкой угрозой протянул Кронус, заставив уголок рта грагеля скептически дернуться. – Однако эта мера больше для успокоения обычных смертных людей. С завтрашнего дня во всех странах официально объявят, что фархары преодолели Границу. Скрывать уже нет смысла...

– Именно так, – перебил Бонифаций свою «правую руку». – Что касается объявившегося иллира... Мы долго совещались, что с ним делать, и пришли к выводу, что девушку необходимо убить.

– Убить?! – воскликнул Милвишан. – Нельзя иллира жизни оборвать! Лишь светлое дитя поможет одолеть нам Темных!

– Нет, учитывая сложившуюся ситуацию, девочка способна приблизить победу фархаров, но отнюдь не нашу, – ответил грагель. – Мы не знаем, сколько частей Скипетра им удалось добыть, даже если это всего одна часть, иллир уже для нас опасен. Так что впервые за сегодняшний день я согласен с Ардалом.

– Именно к этому выводу пришли и мы, – поддержал Бурлона Бонифаций. – Я не могу повлиять на вейланов, каптов, грагелей и лайтов, но те люди и маги, которые поймают иллира и не передадут нам, будут приговорены к смерти, несмотря на тяжелые времена.

Архимаг очень недвусмысленно посмотрел на Айдана III, который выражал собой образец умиротворения. Вот только Дамаск высмотрел в ауре короля алые всполохи ярости. Как-то правитель Фостэйна уж слишком близко к сердцу принимает информацию об иллире. Похоже, там какая-то более глубокая история.

– Что касается вас, наши старшие собратья, – обратился Бонифаций к нелюдям. – Если иллир попадет к вам, мы уповаем на ваше благоразумие и надеемся, что вы сами убьете девушку, предоставив нам доказательства смерти.

– В этом плане на грагелей вы можете положиться.

– На каптов тоже, – на корявом геллийском языке впервые подал голос капт, покрытый рыжими волосами.

Все восемьдесят три пары глаз обратились в сторону вейланов. Они сначала стойко молчали, но спустя минуту Милвишан не выдержал и возмущенно воскликнул:

– Нет! Нет! Не станут дети Ветра убивать последнюю надежду Эвы! На нас вы не надейтесь!

После чего поднялся из-за стола вместе со своим спутником.

– Не спешите, господа, – остановил их Архимаг. – Мы обсудили еще не все наши общие проблемы. Вернитесь, пожалуйста, на свои места... Благодарю. К этому вопросу мы вернемся с вами чуть позже, наедине. А теперь нам необходимо решить, как бороться с фархарами. Из истории мы все помним, что ни один артефакт не мог справиться с Темными. Поэтому наши предки создали Скипетр Власти. Аналогов подобного оружия сейчас не существует, поэтому мы планируем воссоздать нечто подобное, естественно, не без вашей помощи, наши старшие братья.

Грагель очень надменно расхохотался. Глянув на Правителей, Дамаск отметил, как потемнели их лица.

– Вы хоть имеете представление, как создавался Скипетр? – хохот Бурлона резко перешел на гневный рык. – Это была эпоха использования артефактов марлогронтов! Самых мощных артефактов. Именно их Силу и плетения закладывали в Скипетр все народы. Самую большую долю вложили иллиры. Именно они являлись главными хранителями всех видов оружия Древних. Они потратили всё, что у них было, дабы привести нас к победе. Теперь же нет ни артефактов марлогронтов, ни иллиров. Поэтому «нечто подобное» вряд ли получится воссоздать.

– Вы закончили, Бурлон? – мрачно поинтересовался Кронус. – А теперь позвольте нам договорить. Мы имеем несколько экземпляров работ марлогронтов, имеем записи астральных чертежей. Нам необходима лишь помощь в их реализации. Савит Талорк, расскажите подробнее.

Сидящий по левую руку от Бонифация мужчина с идеально прилизанными черными волосами и двумя маленькими косичками, выплетенными из бороды, взволновано кашлянул.

– Мы действительно имеем в своих лабораториях артефакты Спящих, как и их чертежи. Но проблема заключается в том, что мы не можем воссоздать плетения. Как выяснилось, наша магия не совсем подходит для подобных конструкций. Но! В симбиозе с магией других рас есть вероятность, что наши старания увенчаются успехом...

– Ваши старания не увенчаются успехом, – вновь встрял грагель, уже изрядно подбешивая Дамаска своим скептицизмом.

Понятное дело, что тягаться с Темными практически невозможно, но этот серолицый головастик отбирает последнюю маломальскую надежду.

– То, что вы имеете в своих лабораториях, – лишь тень утраченных шедевров марлогронтов. Самые ценные артефакты достались иллирам и фархарам, как прямым потомкам Спящих. Как я уже говорил, иллиры свои запасы потратили на создание Скипетра. Что касается фархаров... Боюсь, скоро они нас очень неприятно удивят.

– Что же вы предлагаете, Бурлон? – разозлился Бонифаций. – Сдаться фархам? Из всех нас они оставят лишь маленькую кучку в качестве рабов. Остальных же, более сильных представителей рас, раздавят не задумываясь! Такой участи вы желаете для Эвы?

– Отнюдь. Меня очень настораживает подобная перспектива. Но и ваш план приведет к довольно печальному финалу.

– Тогда предложите свой, савит Бурлон, – парировал главный ученый Ардала – савит Талорк.

– Увы, другого плана по спасению Эвы пока мы не нашли. Поэтому выхода, кроме как участвовать в вашей акции самоубийства, я не вижу. Грагели готовы помочь в создании нового артефакта.

Сидящий рядом Бирм незаметно приблизился к Дамаску и едва слышно шепнул на керабском:

– Ага, готовы помочь они. Они готовы посмотреть, какими артефактами владеет Ардал, чтобы понять, насколько от людей будет польза в грядущей войне.

– Мы благодарим вас, савит Бурлон, – не стал раздувать конфликт Бонифаций. – И надеюсь, что вы поможете нам не только своими знаниями, но и ресурсами.

Грагель ехидно ухмыльнулся, прекрасно поняв этот прозрачный намек на наличие магических древних игрушек марлогронтов. Вместо ответа Бурлон утвердительно склонил голову.

– Что ж, продолжим, – оббежав взглядом сидящих за столом магов, произнес Архиманг. – Где, куда и когда ударят фархары, мы не знаем. Поэтому, когда это произойдет, все маги должны максимально быстро мобилизоваться и оказаться в нужном месте. Для этого наши конструкторы изготавливают аэрокорабли. В свободной эксплуатации находятся пятьдесят таких кораблей. Естественно, они выполняют не только транспортную функцию.

Дамаск, как и все присутствующие в зале маги, не принадлежащие к Ардалу, застыл. Где-то глубоко в подсознании всплыли слова Шаха, что, когда придет время, они как-нибудь разберутся с Ардалом. Послушав и посмотрев сегодня трезвым взглядом, Дамаск вдруг понял, что разборки бы были до смешного быстрыми, и отнюдь не в пользу эссорской Триады.

– Слышал? – вновь наклонился Бирм к другу и, едва шевеля губами, шепнул: – У них есть аэрокорабли. Что это вообще такое? Стесняюсь спросить, что еще их конструкторы создали, да общественность не предупредили.

– В каждой стране будут построены оборудованные порты, – продолжил Бонифаций. – В приморских же городах, вдоль береговых линий установят ретроградные маяки и боевые кристаллы Эрорра.

Всех молодых магов мы берем под свою опеку, в Академию Магии, без вступительных экзаменов. Там они пройдут ускоренное обучение, чтобы в час нужды пополнить ряды нашей армии. От вас, дорогие савиты, требуется не препятствовать отправке магов ваших стран на наш остров. Вы сами должны понимать, что сейчас это не прихоть, а жизненная необходимость...

Дамаск и Бирм вышли из стеклянного зала лишь два часа спустя. Правители много говорили и так же много отвечали на вопросы. Да, вся происходящая ситуация окрашивалась в мрачные тона, но главные Маги Эвы немного добавили красок надежды. Султан Эссора и его Великий Визирь направлялись в отведенные для них покои. И если Бирм, в принципе, мог уже смело отправляться домой, то Дамаска, короля Фостэйна и савита Карила настоятельно «попросили» задержаться.

– Так, если они будут допытываться, досталось ли нам что-то от фархов в Фаджаре, то ни про какой куб не вспоминай, – тараторил предусмотрительный Бирм, пытаясь угадать предстоящие темы и подготовить друга к разговору с Правителями наедине. – Ты можешь красиво рассказать, что и как там было, но ни в коем случае не упоминай куб!..

– Успокойся, Бирм! – устав уже от суеты визиря, вспылел Дамаск. – Скорее всего, они хотят использовать нашу магию для создания артефакта, вот и всё. Меня больше интересует их военная оснащенность и широта магического диапазона магов. А то что-то, сидя в Эссоре, у меня глаза замылились, показалось, что по силам нам с Ардалом тягаться.

– А я вам сразу говорил, что скромнее себя нужно вести, – без особого ликования произнес Черный. – Шах нафантазировал там себе, что мы уже повелители Востока, а ты ему и поверил.

– Ну, молодец-молодец. Как всегда, прав оказался. Я завтра пойду к ним на встречу, а ты сегодня отправляйся в Эссор...

– Я тебя здесь одного не оставлю.

– Оставишь, – нетерпящим возражений тоном продолжил свою мысль султан. – Нужно уговорить Шаха. А то, пока мы здесь, он Нуармутье разнесет по щепкам, а это главная сокровищница Эвы. Ардал за это мокрого места от нас не оставит. Что он, кстати, тебе в письме написал?

Пухлые темные губы Бирма зловеще растянулись, обнажив белоснежные ровные зубы.

– Он нашел слабое место Атонаха, – торжествующе произнес визирь.

Белый даже остановился.

– Какое? – удивленно спросил он.

– Оказывается, Роза родила от него.

– Давно?

Мысли Дамаска заметались в голове. Он очень надеялся, что ребенку уже больше десяти лет, и король керибюсского Дна принимает участие в его воспитании. Ведь если это младенец, вряд ли Атонах успел привязаться к нему. А Дамаск желал уничтожить именно то, что ему дорого.

– Давно, – ответил на вопрос Бирм. – Роза родила года за четыре до того, как мы сбежали из Керибюса. Она прятала ребенка от Атонаха в Ехаире, у своей матери.

– Как же он пропустил беременность Розы? – спросил султан, не в силах свести концы с концами.

– Это ты у Розы спрашивай, а не у меня.

«Значит, ребенку сейчас уже должно быть в пределах двадцати лет», – подумал про себя Дамаск, вслух же спросил:

– Ну хорошо, а Атонах хоть знает про него?

– Очень даже знает. Как выразился Шах в письме – души не чает.

Дамаск злорадно улыбнулся. Его уже не особо интересовало, где сейчас находится этот ребенок, чем он занимается, и кто его окружает. Ибо находись он хоть в Бездне в обнимку с Кардашем, Белый достанет его несмотря ни на что! Единственное, на что уповал султан, чтобы ребенок оказался девочкой. Он был уверен, что если родилась дочь, похожая на Розу, Атонах будет любить ее по-настоящему, всем сердцем.

– Пожалуйста, скажи, что это девочка! – с надеждой попросил Дамаск визиря.

В ответ Бирм лишь довольно осклабился и утвердительно кивнул.

– Да! – звонко ударил кулаком о ладонь султан, после чего вкрадчиво произнес: – Да свершится правосудие.

Глава 3

Засада

Лисбет, Гиваргис

Квихл

3038 г.

Трясаясь на украденных рысаках, Энира, Киф и Юхан приближались к родному Квихлу. Они ехали окольными тропами, дабы не наткнуться на мортенийцев. Но, к величайшему удивлению Эниры, их дружная компания встретила от силы двух-трех мирян, стоило пересечь границу Гиваргиса. Это ее настораживало, но нисколько не расстраивало.

– Что за кардашева тьма здесь произошла?! – пробудило от дремы Эниру неожиданное восклицание Юхана.

Мерно раскачиваясь за спиной друга, лира, кроме тянущейся лесополосы справа, ничего не наблюдала, закопавшись в своих безрадостных мыслях. Выглянув из-за плеча, она обомлела. Бесконечные стены Квихла стояли, как и прежде, а вот ворота были выворочены, словно гигантский огненный шар разорвал их, оставив лишь почерневший расплавленный камень, успевший застыть в новой форме.

Холодная склизкая змея страха поползла от горла к желудку. Кровь моментально ушла из пальцев, превратив их в холодные ледышки. Там же Сараха! Потеря еще и любимой старушки добьет лиру окончательно.

Плохо контролируя свои движения, Энира начала сползать с рысака с элегантностью мешка картошки.

– Куда ты покатишься? – рыкнул Юхан, грубо сажая подругу обратно на коня. – Не подумала, что верхом быстрее будет?

Синхронно стеганув вожжами, квихельмы устремились к замку Братства, скрытому за перелесками.

Не нужно быть савирой, чтобы догадаться о недавней катастрофе, развернувшейся здесь. Погрузившись в очередной туман ужаса и потрясения, Энира отпечатками отмечала выжженные прогалины на земле, багровые пятна на траве и камнях, вырванные с корнями деревья, разрушенные постройки на тренировочных площадках и оглушающую тишину.

– Разорви меня тысяча храгов! – вырвал возглас Фалемота лиру из приветливых когтистых лап подступающего безумия. – Здесь были фархи!

– Может, ты крикнешь погромче? Вдруг они еще здесь и хотели бы с нами встретиться, – выдавил из себя Киф севшим голосом.

Мальчишки прыгнули с рысаков, и только тогда Энира поняла, почему они заговорили именно о фархах. Всего год назад, хотя, казалось, в прошлой жизни, лира и Тэйп Хардраг часто находились на этом пятнадцатом поле, сидя под огромным черным вястом. Однако от гигантского дерева не осталось и следа. Вместо него в земле зияла дыра. Точно такой же формы равностороннего треугольника, как в Кьонгонде. Провал, выдолбленный страшной магией Темных.

Продираясь мыслями сквозь чащу вновь навалившихся кошмарных событий, Энира вспомнила про Источник древней магии Светлых под Квихлом и про такой же Источник в Кьонгонде. Тогда Тэйп нашел странную деревяшку, которую отдал Кифу, наказав хранить ее ценой жизни. В тот роковой день он опередил фархаров. Квихл же не выстоял.

Спрыгнув с рысака, Энира направилась к пропасти на дрожащих ногах и глянула в бесконечную глубину. В ее голове промелькнула мысль, что фархи пытаются собрать части какого-то оружия. Вот почему Тэйп приказал квихельмам беречь загадочный черенок, добытый в катакомбах Кьонгонда! И если это оружие будет собрано в руках Темных, мир погибнет!

Не отрывая загипнотизированного взгляда от треугольной дыры в земле и окунаясь в свои страшные воспоминания хождения по древним катакомбам, Энира не слышала бурное обсуждение мальчишек и не сразу поняла, что ее тащат обратно к рысаку.

– ... Их не могли всех убить! – вернул лиру в реальность голос озлобленного Юхана, когда он усаживался в седло позади подруги.

– Я не говорю, что их всех убили. Иначе поля бы были усеяны трупами квихельмов, – даже обычная выдержка Кифа подвела, добавив в его голос ноты гнева и растерянности. – Кто-то из квихельмов выжил и прибрал тела. И этот кто-то еще может быть в замке.

Юхан стеганул рысака. Животное ошпаренно дернулось вперед, но Энира резко рванула поводья на себя. Бедный конь, не зная, что от него хотят наездники, взвился на дыбы.

– Эни, мать твою! – заорал Фалемот, уняв гарцующее животное.

Однако подруга его уже не слушала. Ловко проскользнув у квихельма под рукой, лира спрыгнула на землю. Что там стало с замком, ее мало интересовало. Страх за любимую старуху придал разуму невероятную ясность и прорву сил.

Пятнадцатое поле – самая ближайшая тренировочная площадка к хижине Сарахи. С завидной скоростью Энира влетела в стену кустарника, заполонившего перелесок, отделяющий домик ведьмы от него. Тело тут же исполосовали кровавые царапины. Кажется, мальчишки что-то голосили за спиной, но лира даже не пыталась разобраться что.

Подбегая к черной хижине, глаза девушки хищно отмечали каждую мелочь: проломленная дверь, пустые оконные проемы без рам, стекло на траве, обугленные прогалины, темные засохшие пятна. Всё это удалось выхватить за пару секунд, пока Энира не ворвалась в дом.

Тяжело дыша, девушка полными отчаянья глазами осматривала перевернутую мебель. Занавески и скатерть комом валялись на полу, а их белоснежная ткань напилась багровыми рисунками. Похожего цвета запекшиеся кляксы обляпали стены и половицы. Круглый стол, разломанный пополам, был сиротливо забит в угол. А шкафы с зельями Сарахи и вовсе превратились в кучу мусора. Лишь сундуки остались нетронуты.

Глянув на проем в соседнюю комнату, Энира увидела какой-то листок, валяющийся на пороге. Подбежав и жадно схватив его, оторвав кусок, прилипший к сухому пятну крови, она впилась глазами в три коряво написанных слова: «тебе нужен дамаск».

Это был почерк Сарахи. На белой бумаге зияли кровавые отпечатки пальцев. Что это? Последняя записка савиры? Что произошло? Ее взяли в плен? Убили?!

Последняя мысль опалила внутренности огнем.

– А-а-а-р! – заорала от бешенства Энира и со всей силы пнула рядом стоящий сундук.

Ничего не видя от застилающей пелены слез, она крушила и без того переломанные вещи. Отбивая кулаки, стопы, колени, Энира уже начинала задыхаться от ярости, усталости и всепожирающей боли. Вихрем кружась по комнате и разрушая всё, что попадется под руку, она врезалась в какую-то преграду. Не желая останавливаться, лира начала толкать и бить препятствие, пока не поняла, что ее «железным кольцом» скрутил Юхан.

– Ненавижу!! – завопила она, уже не пытаясь вырваться и всю свою боль вкладывая в силу голоса. – Будьте вы прокляты, поганые фархи! Чтоб вы все сдохли! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!..

Еще несколько долгих минут лира рыдала с подвываниями.

– Посмотри ауру крови, Эни! – пытаясь перекричать голос подруги, гаркнул Киф.

Затихнув на несколько мгновений и поняв, о чем говорит друг, Энира перешла на магическое зрение. Аура Сарахи имела тяжелые фиолетовые, почти черные, цвета. Над пятнами засохшей крови витала легкая дымка едва различимых синих, зеленых, красных оттенков. Одна аура ярко переливалась глубоким бордовым сиянием (скорее всего, ранили фархара), но следов Сарахи не было.

Ли́ра тут же прекратила рыдать. Однако последствия истерики вылились в виде неконтролируемой икоты. Убрав от себя руки Юхана, Э́нира подошла к закрытому сундуку и, подняв тяжеленную крышку, заглянула внутрь. Она знала, какие снадобья представляют для Сарахи особую ценность. Осмотрев грудку склянок, девушка осознала, что самые драгоценные ведьмины сокровища исчезли. Вряд ли их могли забрать фархары. Зелья человеческой савиры не заинтересовали бы их, значит, склянки прихватила сама старуха.

Болезненные пути отчаяния ослабили хватку, и ли́ра облегченно выдохнула. Развернувшись в сторону выхода, она взглянула на насторожившихся друзей. Они подозрительно на нее смотрели, не зная, ожидать ли нового приступа истерики. Последние несколько месяцев Э́нира часто ловила на себе подобные их взгляды. Внутри нее бушевала бесконечная пропасть горя и боли, но снаружи это выглядело как полнейшее безразличие (в общем-то на чувства других ей и правда было безразлично). Сейчас же эти взоры, словно на больного ребенка, не понравились ли́ре до чрезвычайности.

– Здесь нет следов крови Сарахи. Либо ее защитили квихельмы, либо она сбежала до того, как пришли в ее дом, забрав свое добро, – недовольно сведя брови, объяснила Э́нира, завершив монолог икотой.

– Логично, – успокоившись, произнес Юхан. – Она же савира... Вот только почему она не предупредила квихельмов?

– Скорее всего, она предупреждала, – предположила ли́ра. – Либо ее не послушали, либо видение пришло слишком поздно.

– Что у тебя в руке? – неожиданно перескочил на другую тему Ки́ф.

Поняв, что левая рука зажата в кулак, девушка опустила взгляд, попутно отметив, что все кисти расцарапаны, а на разорванной рубашке местами проступают полоски крови. Сразу же пришло неприятное ощущение стянутой боли. Поморщившись, ли́ра разжала пальцы, обнаружив там смятую записку Сарахи. Развернула ее.

«тебе нужен дамаск»

С минуту тупо рассматривая непонятное слово и пытаясь найти в известных ей языках хотя бы знакомое, Э́нира в итоге раздраженно спросила:

– Что такое дамаск?

Лица парней съезжились в непонимающие гримасы.

– Что это? Предмет? Фрукт? Болезнь какая? – резким движением показала друзьям мятый листок ли́ра. – Сараха написала, что нам это нужно.

– А больше она ничего не написала? – осторожно поинтересовался Ки́ф.

Направившись к сундуку у противоположной стены, Э́ни коротко бросила через плечо:

– Нет.

Больше всего девушку волновало, как попасть в Запретные Леса. Ведьма знала Э́ниру, а Э́нира знала свою ведьму, поэтому была уверена, что этот самый дамаск как-то способен помочь проникнуть во владения вейланов, либо указать путь. А значит, уже вырисовывается план действий.

Перекопав весь сундук и отыскав лишь две маленькие бутылочки с черной жидкостью внутри, Э́нира разочарованно сморщила нос. Засунув драгоценные находки в карман, она встала и уверенно направилась к выходу, не переставая с раздражающей периодичностью икать.

Стоило перешагнуть наполовину вывернутый порог и очутиться на улице, ли́ра застыла. Неподалеку от хижины ведьмы полукругом выстроились десять лысых мужчин. Все одинаковой комплекции здоровых быков, облаченных в черные одежды, лица в шрамах, в руках оружие на любой вкус. Э́ни не так часто сталкивалась с мортенийцами, если быть точнее, то всего один раз. Этого хватило, чтобы запомнить, как должны выглядеть ардальские бравые ребята.

Обычно люди, впервые увидев лиру, поражаются, восхищаются, пугаются, а эти даже бровью не повели. Значит, знали о ее существовании, возможно, даже по ее душу и явились.

Вылетевший вперед Киф грубо толкнул подругу за спину. Юхан встал рядом. Квихельмы вытащили мечи.

– Ларо, Хмор, девчонка на вас, – на ардальском языке бесстрастно произнес мортенийец в центре с самой жуткой физиономией.

Поняла его лишь Энира.

– Эни, мужиков берем на себя, с бабой разбирайся сама, – сквозь зубы скомандовал Юхан, пока наемники, словно хищники, подходили ближе.

– Какой еще бабой? – вытаращив глаза на мортенийцев, севшим голосом спросила лира.

– Та, что справа! – рыкнул Фалемот, после чего они с Кифом бросились на убийц.

Пока квихельмы каскадами отбивались от умелых воинов, успев даже одного ранить, остолбеневшая Энира таранилась на «женщину» справа. Она видела жесткие черты лица, лысую голову, мускулистые руки, мощные ноги, маленькие злые глаза, более выраженную, чем у остальных, талию и... грудь! Да. Это всё же была женщина. Лира и не знала, что они вербуют особой женского пола.

Очевидно, мортенийку звали Ларо. Хмора взял на себя Киф, поэтому ловить (или убивать) Эниру ей придется одной. Лира Бэр очень хорошо помнила уроки Тэйпа, знала, куда бить, как уходить из захватов. Поэтому, как только Ларо приблизилась на расстояние десяти шагов, Энира резво развернулась и задала стрелача в дом Сарахи. Она ж не дура, в самом-то деле, драться с этой дикой медведицей.

На бегу подхватив сломанный табурет, девушка с силой бросила его в окно на другом конце комнаты. Она знала, что, если будет перелезть через проем, то вся изрежется не до конца выбитым стеклом да еще потеряет столько времени, что ее просто поймают. А что приказано делать мортенийцам с ней, лира знать не хотела. Хардраг (будь он благословенен!) научил Эниру великолепно бегать, прыгать и лазать. Поэтому, набрав достаточно скорости, лира сильно оттолкнулась, вытянулась струной в прыжке, чтобы пролететь через окно и выпрыгнуть уже на улице с другой стороны дома. Но осуществить задуманное не удалось. Крепкая рука обхватила ее за лодыжку и дернула назад.

Энира бухнулась животом прямо на раму, кажется, выбив легкие из своего тела. Ее потащили внутрь дома. Живот будто прострелили раскаленной стрелой. В левом боку засел внушительный осколок стекла. Хватая ртом воздух, а руками всё, за что можно зацепиться, лира с грохотом упала на пол, расквасив нос. В глазах потемнело, в ушах зазвенело, так что осознание, что ее перевернули на спину, пришло не сразу. Простое зрение дало осечку, поэтому Энира спешно перешла на магическое. Первое, что она увидела, это алую ауру Ларо, стремительно направившую часть себя в сторону лиры. На конце алой была слабая аура серебристо-желтого цвета – цвет металла.

Инстинкт самосохранения сработал быстрее разума. Эни резко откатилась и тут же вернулась обратно, с размаху пнув воздух с рубиновой аурой. Грузное тело упало рядом. Не оставившаяся, лира схватила попавшийся под руку кусок стекла и всадила в мортенийку. Надеясь, что попала куда-нибудь в глаз, сердце, печень, Энира тяжело поднялась и сразу же упала, получив сильный удар в ногу. Поцеловавшись с полом левым боком, лира вскрикнула. Кусок стекла, что торчал в ней, вошел еще глубже от удара.

Ничего не соображая, Энира лишь услышала на ардальском: «Сдохни, тварь!».

– Вирнас, фирмут, звирт!

Стоило произнести эти три волшебных слова, которые лиру заставил запомнить Тэйп, лоб, затылок и позвоночник девушки пронзила такая чудовищная боль, что от собственного крика зазвенело в ушах. Воздух вокруг стянуло, будто высасывая из кожи все соки. Секунда, и раздался треск, взрыв и тишина.

Не в силах больше терпеть эту невыносимую боль, колотившуюся внутри черепа, Энира крикнула слово-ключ, отменяющее действие медальона:

– Санрив!

Резь в голове исчезла. Что произошло, лира не знала. На нее больше никто не нападал, но, даже если бы напали, сил на борьбу не осталось. Не замечая льющихся слез, девушка потянулась дрожащими руками к стеклу в своем боку.

Огласив комнату новым криком, Энира с трудом вытащила осколок, поранив еще и ладони. Было так больно, что она, не стесняясь, рыдала навзрыд. Именно поэтому ей не сразу удалось вспомнить, что у нее есть квихельская исцеляющая настойка. Прыгающими липкими пальцами лира нащупала крохотную бутылочку черной жижи, найденной у Сарахи в сундуке. Стекло сосудика не разбилось благодаря магии. Целебная настойка была слишком дорога и ценна, а учитывая, что предназначалась она для квихельмов, постоянно находившихся в смертельных битвах, маги Квихла нашли способ защитить хрупкое стекло.

Жидкость отвратительно-ядренного, прогорклого вкуса тяжело упала в желудок. По венам тут же полился огонь, идущий к повреждениям. Больнее, чем получать раны, – это только их очень быстро заживлять. Бесконечно долгую минуту лиру корежило на полу, пока кардашево пламя по всему телу не затихло.

Еще пару минут пришлось потратить на осознание себя в этом мире и пространстве, после чего Энира поднялась на трясущиеся ноги. Она глянула на распластанную возле стены мортенийку, изрезанную какой-то страшной силой так, что на лице не сохранилось человеческих черт, а некоторые части тела вовсе лежали в стороне. Измученное сознание отметило все эти факты, но в ужас не пришло.

Раны затянулись не до конца. Пройдет еще много часов, прежде чем от них не останется и следа. Страдания они, конечно, еще приносили, но по сравнению с уже перенесенной болью – это были легкие, невесомые «мотыльки». Доковыляв до выхода, Энира увидела развернувшуюся бойню. Пятеро мортенийцев валялись мертвые, а вот четверо всё еще вели бой с квихельмами. Киф уже практически разобрался с атакующим его одним ардальцем, а вот Юхан ушел в глухую оборону, пытаясь спасти свою жизнь от одновременно нападавших на него троих мужчин.

Про себя застонав, лира бросилась к Фалемоту. Находясь в трех шагах от цели, она громко крикнула:

– Вирнас, фирмут, звирт!

В первый раз действие амулета Хардрага Энира не видела, зато теперь оценила по достоинству. Голову опять прочертила полоса боли, но благодаря квихельской настойке она казалась не так остра. Проскользив оставшееся расстояние по сочной траве, лира врезалась в Юхана как раз в тот момент, когда перед глазами вспыхнул белоснежный барьер магического щита.

Два мортенийца ударили защитный купол своими мечами. Сталь одного оружия растворилась сразу, словно кусок масла растаял в кипятке, заставив своего владельца непонимающе посмотреть на оставшуюся культяпку рукояти. Металл второго звонко врезался в преграду, по инерции отскочив обратно.

– Куда они делись?! – ошарашенно произнес на ардальском мортениец, который до этого отдавал распоряжения.

Это было последнее, что он произнес в своей жизни. Щит неожиданно треснул и с уже знакомым дребезгом разлетелся острыми шипами, уродуя тела мортенийцев.

– Карда-а-аш! – изумленно протянул Юхан, задыхаясь от продолжительной битвы.

Оторвав взор от тошнотворной картины разорванной плоти, Энира глянула на друга, осознав смысл фразы мортенийца. Юхан стоял полупрозрачный, а посмотрев на свою руку, лира поняла, что полностью невидима.

– Санрив... Киф! – испуганно воскликнула Энира, переведя взгляд на друга.

Гальморт как раз вытаскивал один из шипов щита из своего плеча. Похожая игла торчала у него и под ребрами, а щеку прорубила глубокая кровавая борозда.

– Прости! Ты так хорошо справлялся, по сравнению с Юханом, что я совсем про тебя забыла.

– О, приятно слышать, – беззлобно произнес Гальморт, со свистом выпустив воздух, когда вытащил очередной осколок из икры.

То, что его зацепило всего несколькими снарядами, было просто настоящим чудом. Его сопернику повезло много меньше. Торчащий длинный шип из уха мортенийца красноречиво говорил о причине смерти.

Лира быстро подбежала к другу. Выяснив на практике, что ее ладони несут успокоение ранам, Энира суетливо приложила левую ладонь к ребрам Кифа, второй же уверенно выдернула шип. Достав оставшуюся бутылочку, несколько капель драгоценной настойки квихельмов она размазала по ране. Лир Гальморт удивленно уставился на подругу, до этого не подозревая о ее способностях. Как только она убрала руку, Киф зашипел.

– Надо уходить, – раздался за спиной голос встревоженного Юхана.

Лира даже не успела головы повернуть, как почувствовала, что ее бесцеремонно дернули, ставя на ноги. Кифа ожидала та же участь. Возмущенная столь грубым обращением и тем, что даже не дали дух перевести, Энира недовольно спросила:

– Господин! А куда мы так спешим?

– Один из этих лысых шакалов что-то передал через переговорник, – игнорируя ехидный тон, ответил Юхан. – Что же интересного он мог там передать, как думаешь? И как скоро сюда понабежит еще парочка десятков лысых голов?

Посчитав слова друга более чем убедительными, Энира резко поменяла тон, обратившись к Гальморту:

– Пошевеливаемся, Киф, пошевеливаемся! Я вижу, что ты ранен. Нас, знаешь ли, тоже в бока не целовали.

– По твоей кровавой маске под носом я это уже понял, – прокряхтел лир Гальморт, направившись в сторону пятнадцатого поля.

Глава 4

Похищение

Восточный султанат

Керибюс, столица

3038 г.

В десять утра таверна «Дикая Роза» была пуста. Лишь тщедушный старичок, просидевший всю ночь в углу зала, выпивая, теперь благополучно оглашал окрестности своим храпом. Остальные посетители с рассветом разбрелись кто по домам, а кто по своим снятым комнатам. Поэтому свидетелей развернувшейся за стойкой бара сцены не нашлось.

– Рикка, мое терпение подходит к концу. Ты вынуждаешь меня прибегнуть к крайним мерам! – пытаюсь открыть задвинутую на магическую защелку дверцу барной стойки, прорычал черноглазый мужчина в дорогой одежде, что очень не вязалось с окружающей обстановкой.

На противоположной стороне, облокотившись спиной и локтями о стол, залилась громким смехом молодая девушка, запрокинув голову. Мужчина жадно впился взглядом в белоснежную шею и дальше заскользил вниз к глубокому декольте синего платья, оголяющего мягкие плечи и высокую грудь. Оттолкнувшись от столешницы, девушка плавными движениями, словно качающаяся лодка на мягких волнах, направилась к разъяренному богачу.

Подойдя почти вплотную, она сначала ленивым движением перебрала ярко-рыжие, будто жидкий огонь, волосы, а после, томно вздохнув, соблазнительно улыбнулась.

– И каковы же будут крайние меры, Жан? – не сказала, а мурлыкнула Рикка, смотря в темно-карие глаза, которые уже почернели от безумия и желания.

– Если ты не скажешь мне «да» добровольно, я выкраду тебя и сделаю своей насильно! И никакие силы мира не остановят меня, даже твой отец!

Риккарда (или, как чаще звали ее в миру, Рикка) шаловливо провела пальчиком по худой щеке, покрытой сизой щетиной. Мужчина тут же жадно схватил девушку за талию и грубо прижал к себе, проклиная дверцу барной стойки. Рикка вновь залиvisto рассмеялась.

– Полноте, мой милый гран, – пытаюсь оттолкнуть от себя Жана, кокетливо проворковала она.

Однако гран лишь крепче прижал Риккарду к себе, бесцеремонно схватив ее за ягодицу. Как бы ни были опасны подобные игры, Рикка всегда их любила. Сейчас мужчина начал терять над собой контроль, а значит, щекочущую нервы игру пора переводить в порядок надоевшие занудные объяснения. Умело вытащив из-за пояса грана Савожа маленький кинжал, девушка ткнула острием в шею мужчины.

– Ты не сделаешь этого, Рикка, – хриплым не от страха, а от вождления голосом проговорил Жан, по-хозяйски сжав мягкую желанную плоть.

– Ты будешь удивлен, гран, – обволакивая взглядом своих черных глаз, щедро подведенных сурьмой, манко улыбнулась девушка, попутно надавливая на рукоятку кинжала.

На шее Жана выступила кровь. Мужчина испуганно отпрянул и прижал ладонь к месту укола.

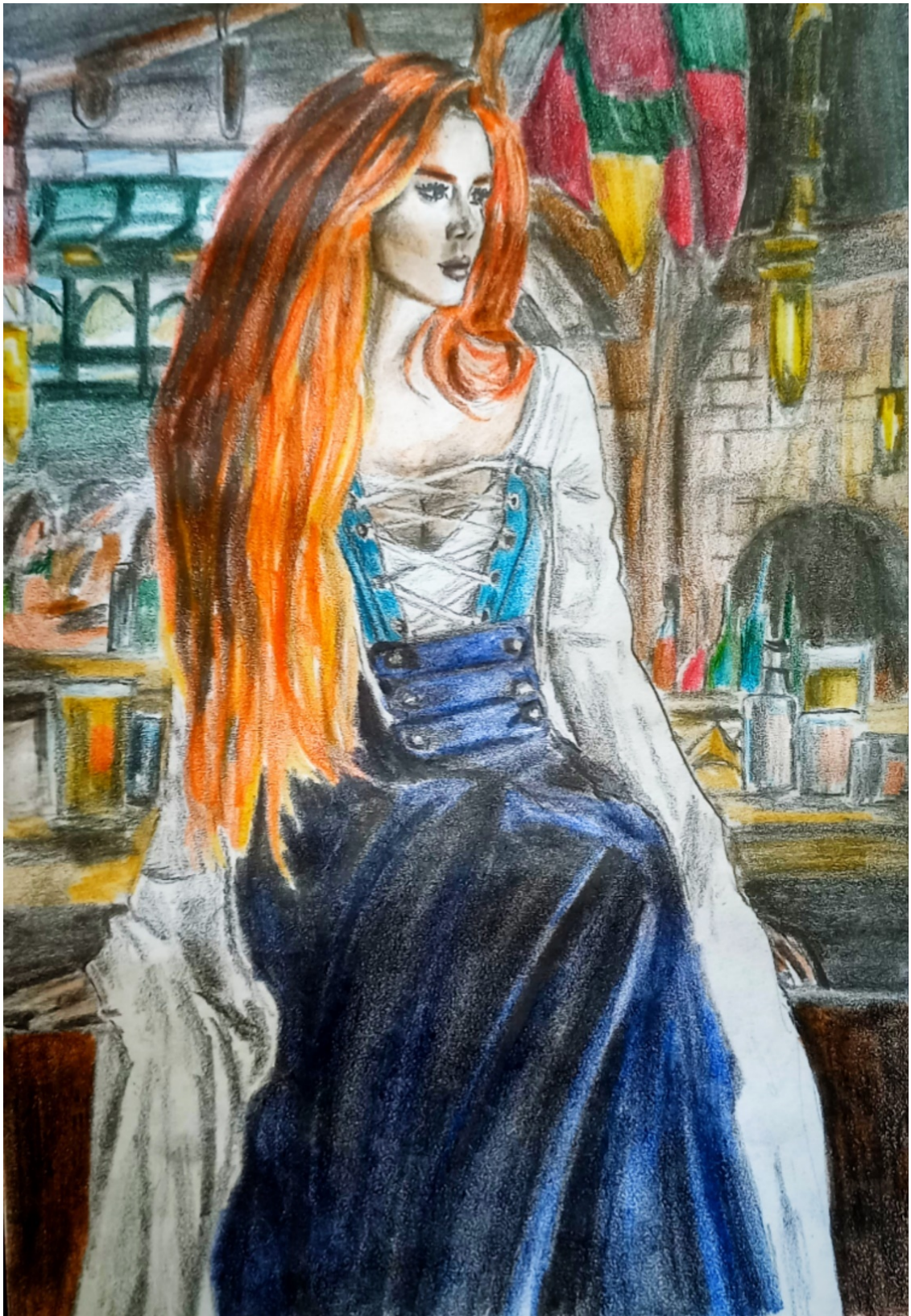
– Как ты посмела?! – в бешенстве выпалил гран, увидев кровь на своих пальцах.

– Ох, не будем драматизировать, Жан, – положив нож на столешницу, Рикка направилась к стулу, призывно раскачивая бедрами.

После того как уселась и закинула ногу на ногу, девушка продолжила:

– Ты посмел не меньше моего...

– Я гран, а ты!.. – словно гончая, Жан подался вперед, оперевшись ладонями о барную стойку.

– Интересно-интересно, кто же я? – перебивая и разыгрывая вежливую заинтересованность, выгнула темно-каштанового цвета бровь Риккарда.

Гран подавился словом, мгновение растерянно рассматривая рыжеволосую бестию.

Пока Жан пытался разродиться, Рикка рассматривала его узкое лицо со впалыми щеками. За последние полгода он словно высох. Горящие недобрым блеском глаза сверкали из

глубины темных кругов, прямой, будто выточенный скульптором, нос заострился, а графитового цвета волосы на висках переливались серебром. Это был довольно симпатичный мужчина тридцати семи лет, да еще при деньгах и титуле. Но Риккарде было настолько с ним скучно, что на протяжении полугодового преследования она постоянно говорила «нет». К тому же она считала, что достойна много больше, чем какой-то там керибюсский гран. Столь настойчивое внимание ее уже начинало тяготить, ведь в последнее время Жан всё чаще начал распускать руки. Но Рикка не хотела терять такого ценного поклонника, он мог ей еще пригодиться.

– Кардаш, Рикка, что ты со мной делаешь... – бессильно выдохнул измученный мужчина, убирая назад упавшую челку пятерней. – Что я должен сделать, чтобы ты стала моей?

Барабаня тонкими белыми пальчиками по коленке, девушка ухмыльнулась одним уголком маленьких в форме сердечка губ.

– Ты же знаешь, что наши отношения невозможны, Жан. Я, быть может, стала бы твоей, но лишь в том случае, если бы ты взял меня в жены. Но, как ты уже сказал, ты – гран, а я... А мне до голубых кровей далеко.

Гран Савож зло бухнул кулаками о стол так, что стоящая рядом солонка опрокинулась.

– Ох, – в наигранном испуге протянула Рикка.

– Я женюсь на тебе! Женюсь!

– Женишься? – со смешком переспросила девушка. – И каким это образом, мой дражайший гран? Как же ты намерен представлять меня своему благородному обществу?

– Я подделаю тебе грамоту с титулом. Ты станешь баронессой, лирой, граной, кем захочешь! У тебя будет всё, что пожелаешь. Я брошу к твоим ногам весь мир. Ты будешь моей, Рикка...

«Оркус! Какой же идиот», – про себя подумала Риккарда. – «Неужели он думает, что отец не добыл бы для меня титул, если б я попросила? Да стоит мне только заикнуться, как все блага мира будут в моих руках».

Нехотя поднявшись, девушка подошла к Савожу, но на этот раз остановившись на безопасном расстоянии. Скинув с себя всю игривость, Рикка серьезно произнесла:

– Мне не нужны титулы, Жан. А на счет богатств, ты сам знаешь, в них я не нуждаюсь. Подумай сам. Мне незачем работать в этой таверне. Однако я здесь. Это говорит о многом. Я люблю внимание. Люблю мужчин. Рано или поздно ты убьешь либо меня, либо себя. Зачем нам такие жертвы?

– Мне это безразлично. Я хочу...

– Ты мне не нужен, Жан! – жестко оборвала Рикка, хлопнув ладонью по столу, начав злиться. – Если ты принял наши игры близко к сердцу, то мне жаль. Я общаюсь так с каждым. Уходи. И будет лучше, если ты перестанешь сюда таскаться.

– Шлюха! – перекосившись, сказал, словно выплюнул, гран Савож.

– О да, – саркастично протянула Риккарда, ничуть не обидевшись.

Сколько раз она уже слышала это оскорбление из уст отвергнутых мужчин – не счесть, так что оно ее больше смешило, чем расстраивало. К тому же о себе Рикка всё знала, так что подобные мужские визги ее не трогали.

– Ты пожалеешь о своих словах... Берегись, Рикка!

Окинув фигуру девушки обжигающим взглядом, Савож оттолкнулся от столешницы и направился к выходу.

– Тогда, боюсь, моему отцу придется передать вам горячий привет, гран. Конечно же, через господина Ветра.

Схватившись за ручку двери, Жан резко обернулся. Его глаза горели, а на челюсти ходунном ходили желваки. В Керибюсе все, даже самые богатые люди султаната, знали, кто такой Атонах и Ветер, поэтому Савож молча вышел из таверны, напоследок хлопнув дверью так, что штукатурка посыпалась.

Довольная собой и упоительным чувством безнаказанности, Рикка с кошачьей грацией блаженно потянулась.

– Когда-нибудь ты напорешься на того, кто не побоится имени Атонаха, – раздался со стороны лестницы, ведущей к спальным номерам, женский голос.

Риккарда повернула голову и увидела свою мать. Высокая женщина с такими же рыжими волосами, красиво впитавшими в себя серебро прожитых лет, сошла с последней ступеньки и направилась к дочери. Роза была прекрасна даже в свои года. Риккарда унаследовала от нее лишь огненный цвет волос и соблазнительную мягкость тела, черты лица же подарил ей отец. Внешне Роза была более одарена природой, но ее красота меркла, стоило появиться дочери. Что-то магнетическое было в Риккарде, что-то, что сводило многих мужчин с ума. Посетителей с каждым днем становилось всё больше, радуя хозяйку таверны, но вот за дочь становилось уже страшно. Ее не смущало поведение Рикки (сама такой была), а вот количество, знатность и влияние мужчин заставляло беспокоиться. Однажды дочь могла нарваться на кого-то, кто так же опасен, как Атонах. Роза умела вовремя прикусить свой длинный язык, поэтому и дожила до сегодняшнего дня. Риккарда другая. У нее отсутствовало чувство самосохранения напрочь. И если бы не защитное крыло Атонаха, скорее всего, до своих двадцати лет она бы не дожила.

– Тогда я наконец-таки хоть в кого-нибудь влюблюсь, – хмыкнула Риккарда, доставая стакан с полки и наливая в него свежего молока, сделав же глоток, с усмешкой продолжила: – Тебе-то сразу повезло. Такого как папу сложно найти.

Роза засмеялась. Даже слезы брызнули из онисовых глаз. Она не будет говорить дочери, что всё бы отдала, лишь бы никогда не знать Атонаха. Полжизни хозяйка «Дикой Розы» прожила в страхе перед этим жестоким мужчиной. Кто же знал, что он каждый раз будет превращаться в плюшевого медвежонка, стоит дочери назвать его «папочка». Будучимышленным ребенком, Риккарда с самого детства пользовалась этим.

– Ты десять раз на дню влюбляешься. А такого, как твоего отца, действительно еще поискать надо.

Риккарда зло прищурилась, отпив еще глоток.

– Я про настоящую любовь...

– Чем тебе не нравится этот напыщенный гран?

– Фу, мама, он зануда! С ним от тоски можно позеленеть! – скорчив рожицу, воскликнула Риккарда.

– Ну, за задницу он тебя хватал довольно-таки задорно.

– Мама!

Роза лишь снисходительно посмеялась.

– У тебя было бы неплохое будущее с ним. Он хорошая партия. Будь у меня в свое время такой ухажер, я бы не раздумывая всё бросила ради него.

Риккарда наклонила голову набок и хитро улыбнулась.

– Ты же знаешь меня, мам. И года бы не прошло, как этот сноб придушил бы меня от ревности, либо запер в четырех стенах, и я умерла бы от уныния... Скажи мне лучше, от папы ничего слышно не было?

Год назад отец пропал. Его место занял Ветер – правая рука короля керибюсского Дна. Атонах написал всего одно письмо, в котором говорилось, что с ним всё хорошо, мол, пусть его любимая дочурка ни о чем не беспокоится, Ветер берет ее безопасность на себя. Дядя Ветер, как звала его Риккарда, делал всё, чтобы дочь «короля» ни в чем не нуждалась, и ничто (никто) ее не тревожило. Однако неизвестность и отсутствие отца угнетали девушку.

– Если ты ничего не слышала про него, то я и подавно, – помрачнев, ответила Роза.

Атонах сбежал не просто так, чего-то он боится, раз бросил всё. Главное, чтобы это не угрожало Риккарде. Материнское сердце было не на месте вот уже год. Наклонившись вперед и поцеловав дочь в лоб, Роза негромко произнесла:

– Будь осторожнее, Рикка. Я чувствую, что-то нехорошее может с тобой случиться.

Спустя три седмицы разговор с матерью забылся. Риккарда вольготно бродила по всему Керибюсу, зная, что ее никто и пальцем не посмеет тронуть.

Было довольно поздно. Чара, словно пузатый сыр, выкатилась на небосклон, разлившись по улицам призрачным голубым светом. Засидевшись в купальне, отмокая в розовой воде и втирая душистые масла в нежную кожу, Риккарда потеряла счет времени. Впрочем, она ни о чем не жалела.

Наслаждаясь чувством чистоты и сладким ароматом, исходившим от еще влажных волос, девушка неспешно шла по переулку Банщиков. Пару раз она натыкалась на детей из банды «Ангелов» (жуткие дети, надо сказать!), но стоило им понять, кто перед ними, красивые мальчики уходили в тень. Свернув к арке Благодетеля, Риккарда сделала еще пару шагов, прежде чем перед глазами всё поплыло, а в голове за клубился туман, путающий мысли. Она даже испугаться не успела. Последнее, что Рикка почувствовала перед провалом в беспамятство, – это грубая ткань на голове, а на теле – сильные руки.

Риккарда проснулась от мужских голосов, говоривших на ее родном керабском языке. Чувство ярости постепенно вытеснило заполонивший голову дурман. Савож всё-таки посмел ее похитить!

– Хочешь сказать, он приедет к нам с дружеским визитом? – насмешливо спросил хриловатый голос.

Ответил ему чистый приятный баритон:

– Он пришел в бешенство от такой перспективы, но у него не было выбора. Правители поставили его перед фактом. Он должен будет запечатать боевой кристалл Эрорра у нас в порту Силой своего Источника.

Медленно приходя в себя, Рикка не пыталась вслушиваться в разговор. На голове болтался мешок, а тело крепко привязали веревкой к спине одного из мужчин. Руки остались свободны, поэтому девушка потянулась к складному ножичку в потаенном кармане юбки, стараясь не совершать резких движений. Она искренне надеялась, что амплитуда тряски животного, на котором они ехали, сделает ее попытки незаметными.

Вытянув нож, Риккарда медленно разрезала путы, связывающие тела, и быстро ткнула острием в правый бок мужчины. Слушая крик раненного бандита, Рикка упала в пыль и быстро стащила мешок с головы. Девушка не обратила внимания на окружающие ее пейзажи, считая похитителей. Их было трое. Первый валялся на земле и зажимал рану в боку. Двое других как раз спрыгивали со своих рысаков. Один походил на хищного ястреба из-за внушительного горбатого носа. Вероятно, южанин. А вот второй заметно выделялся светлыми волосами и ярко-голубыми глазами. Однако удивляться было некогда, да и бушующие внутри эмоции требовали втоптать этих воров в грязь.

– Стоять на месте, отребье! – рявкнула Рикка, выставляя впереди себя нож, как только мужчины направились к ней.

Похитители переглянулись, обменявшись улыбками.

– Да вы хоть знаете, кого посмели украсть? Вашему хозяину перережут глотку, а потроха скормят собакам. Если вы меня не отпустите, вас будет ожидать та же участь!

– Смотри-ка, а язык от Розы достался, – довольно скалясь, протянул южанин.

– Да, вот только Роза не была столь глупа, – произнес голубоглазый, после чего дернул пальцами, и крепко зажатый в руке девушки нож вылетел.

Риккарда была так поражена, словно никогда раньше не сталкивалась с магией. Светловолосый двинулся к ней, попутно обращаясь к южанину:

– Помоги Фарату забраться на рысака. До дворца немного осталось, потерпит.

Ничего не понимая, Риккарда быстро осмотрелась. Белые аккуратные домики с красными крышами, узкие улочки и много растительности. Это был не Керибюс. Впервые за долгое время Рикка ощутила страх. Похоже, похищение организовал не гран Савож.

Девушка развернулась, подхватила длинную юбку изумрудного цвета и стремглав бросилась прочь. Но она не успела пробежать и десяти метров, как распласталась на пыльной дороге, споткнувшись о магическую подножку.

Так, бежать бессмысленно, осталось только угрожать.

– Да вы хоть знаете, с кем связались? – зашипела Риккарда, перевернувшись на спину.

Голубоглазый присел рядом на корточки. Он задумчиво намотал рыжий локон на палец и, наклонившись, вдохнул аромат сладких масел.

– Красиво живет! – громко обратился маг к своему подручному, обернувшись. – Похоже, папочка балует свою любимую дочурку.

– Прекрасно! – удовлетворенно протянул южанин, водрузив раненого бандита на рысака. – Давай, поехали уже.

Светловолосый грубо схватил Риккарду за руку и больно дернул, ставя на ноги.

– А ну отпусти меня немедленно, свинья! – тут же заголосила брыкающаяся Рикка, пока ее волокли к рысаку. – Мой отец перережет вас всех, как скотину! Меня найдут! Сравняют ваш кардашев городишко с землей!..

Маг остановился и жестко дернул девушку за волосы, оттягивая голову. Наклонившись к ее лицу, он опасно-вкрадчивым голосом произнес:

– Заткнись, рыжая. Если хочешь прожить подольше, закрой свой рот, иначе я вырву тебе язык. Сомневаюсь, что твой папочка осмелится прийти ко мне. Но я умою его твоей кровью. Можешь начинать потихоньку прощаться со своими пальцами, ушами, зубами и другими частями тела. Их я буду пересылать твоему отцу в конвертиках, пока Атонах не приползет ко мне на коленях и не взмолится о твоей смерти во имя милосердия.

Кровь отхлынула от щек Риккарды, а ноги предательски подкосились.

– Хорош разглагольствовать, Белый. Уже давно пора было вернуться.

Услышав кличку мужчины, который посадил ее на рысака, а сам запрыгнул сзади, Рикка чуть не упала в обморок. Белый! Это же один из детей-магов, которых Атонах забирал себе, убивая их родственников. Риккарда знала, что отец очень болезненно переживал побег этого самого Белого, ведь он был очень одаренным магом. Когда Атонах рассказывал про него, Рикке казалось, что он даже побаивается мальчишку. И если перед этим голубоглазым мужчиной испытывает страх сам король керибюсского Дна, то на это есть весомые причины.

«Оркус, защити меня!».

Глава 5

Встреча двух начал
Восточный султанат
Эссор, столица
3038 г.

Сидя под растекающимися горячей лавой лучами Илара, Энира блаженно растянулась на раскаленных черных валунах. Слушая шуршащие перекаты волн Нуармутского океана и крики диких чаек, лира впервые за долгое время чувствовала в душе спокойствие и благодать.

После стычки с мортенийцами в Квихле и загадочной записки от Сарахи, коллективно было принято решение отправиться в Эссор. Необходимо найти савиру. Настоящую савиру, а не тех шарлатанок, что развелось в каждом королевстве по двадцать штук. Есть ли истинная провидица в Эссоре, никто из друзей не знал. Но вспомнив песню близнецов Хлотаров о ведьме по имени Палет, пришлось начать именно с нее.

Как работает провидение у Сарахи, Энира примерно представляла и искренне надеялась, что у остальных савир всё точно так же. При должной концентрации прорицательницы могли найти нужное место, вещь, человека. И если им не удастся отыскать что-то под названием дамаск, то вдруг откроется путь в Запретные Леса?

Пока Юхан и Киф обшаривали весь Эссор в поисках хоть какого-нибудь упоминания о савире по имени Палет, Энира сбежала из съемной комнаты в таверне со странным названием «Лик Триады». Благо, здесь можно было без труда скрыть свою необычную внешность. Местные ревнивые мужчины одевали жен в специфическую одежду – парукон. Он представлял из себя длинный халат с глубоким капюшоном, который застегивался под подбородком маленькой пуговкой. На глаза же повязывалась кружевная черная повязка, со свисающими тонкими кисточками, скрывавшими нижнюю треть лица.

Первое, что сделал Киф, когда они въехали в город, – достал этот самый парукон. И теперь Энира беспрепятственно могла перемещаться в людных местах. Эссор сам по себе мало занимал лиру. На протяжении двух седмиц она уходила за высокие стены города-крепости, показывая стражникам разрешение на выход от фальшивого мужа – Азанткифа Гальморта-хана. Весь день Энира купалась в океане и грелась под лучами Илара. Кожа ее стала бронзовой, а медовые волосы выгорели, став практически белыми. Сейчас она как никогда походила на Светлых из легенд.

Илар уже начал скатываться за горизонт, разливаясь розовым сиропом по небу. В этом уединенном месте никого не было, поэтому Энира не стесняясь всегда купалась голышом. Но, к сожалению, близился вечер. Лира нехотя натянула на себя штаны и нагрудную повязку. Подставив лицо теплему ветру, она еще немного посидела, после чего неохотно встала, сгрела в руки парукон и собралась в сторону города. Но, подняв голову, застыла ледяной скульптурой.

Чуть позади от места ее привала, шагах в двадцати, сидел молодой мужчина. Как только лира встретила взглядом его зеленых глаз, он пораженно выдохнул.

Энира понятия не имела, как долго он там сидел и что вообще видел. В гляделки они играли несколько долгих минут. Зная мужскую природу, лира боялась совершить лишнее движение, чтобы не спровоцировать нападение, при этом наблюдая за загадочным незнакомцем. Но зеленоглазый никакой враждебности не выказывал. Казалось, он тоже боялся пошевелиться, дабы не спугнуть девушку. Даже больше, Энире показалось, что мужчина смотрит на нее далеко не с вожделением, а с восхищением и каким-то раболепным трепетом.

Незаметно для незнакомца, лира перешла на магическое зрение. Такой ауры она еще не видела! Яркого фиалкового цвета с наслоением серебра и золота. Как бы ни был интересен

Энире этот человек с необычной аурой, от мужчины, который, возможно, видел тебя голой в такой глуши, стоит держаться подальше.

Собираясь убежать по белому песку пляжа, лира медленно начала отходить задом, намереваясь спрыгнуть со скальных валунов. Незнакомец неожиданно резко встал, так что ее сердце испуганно трепыхнулось. Плюнув на все экивоки, Энира бросилась наутек.

– Подожди! Не убегай! – раздался за спиной обреченный голос. – Я не обижу тебя! Я просто хочу на тебя посмотреть!

Не поверив своим ушам, лира, не прекращая бег, обернулась. Зеленоглазый мужчина не гнался за ней. Он просто стоял посреди пляжа, протягивая к ней руку. И столько трагичности было в его позе, столько печали.

«Ненормальный какой-то!» – про себя подумала Энира, спешно натягивая парукон и с раздражением понимая, что дорожка на этот дикий пляж ей теперь закрыта.

Уже сидя в съемной комнате на одной из трех кроватей, лира в пол-уха слушала новости от мальчишек, не переставая думать о зеленоглазом незнакомце. Ну ведь он же маг! И аура, и цвет глаз об этом говорили. Почему он не поймал ее какими-нибудь воздушными силками? Почему не стал преследовать? Кто он вообще? И будут ли последствия этой встречи?

– О чем мечтаешь, Эни? – недовольно поинтересовался Юхан, сидевший на подоконнике и раскалывающий очередной орех. – Мы тут перед тобой распинаемся, всё в красках описываем, а ты нас даже не слушаешь.

– Почему же не слушаю? Слушаю. Ваши поиски не увенчались успехом. Единственное, вы узнали, в каком направлении находится Курган ведьмы. Всё правильно?

– Ну, в общем-то да, – пожал плечами Фалемот.

– Так мы завтра пойдем на его поиски? – обратилась лира уже к Кифу, развалившемуся на соседней кровати (все их перемещения всегда координировал он).

– Тебе с нами идти незачем, – как всегда степенно и размеренно ответил лир Гальморт. – Вот найдем мы старуху, тогда отведем тебя к ней. А пока отдыхай и набирайся сил, и так много всего за последнее время пережила.

– Ох, Киф, благодарю, – положила руку «на сердце», издевательски проговорила Энира. – Еще один день безделья непременно решит все мои проблемы и излечит душевные раны.

– Да не благодари, – с меньшей долей иронии отмахнулся Киф.

Девушка улыбнулась.

– Эни, будь добра, принеси еще одну лепешку, – вставая в беседу, попросил Юхан.

Сначала лира хотела послать друга... за лепешкой самого, но затем сжалась и молча направилась к двери, прихватив с собой парукон.

– И кумыс!

Энира хмуро глянула на друга.

– Не всухомятку же мне есть, в самом-то деле.

Завернувшись в парукон, лира смело спустилась в многолюдный зал. Подойдя к хозяину за прилавком, Энира всунула бумажку с заказом. Пока она ждала, когда нальют кумыс, ее внимание привлек обрывок беседы двух мужчин за ближайшим столиком.

– ...не сравнится с Дамаском, – сказал один из мужчин.

– Это-то да, – ответил второй, по ощущениям Эниры, бессмысленной фразой.

Услышав такое до боли знакомое непонятное слово, у лиры даже во рту пересохло. Первое желание было броситься к мужчинам. Но зная местные порядки, она себя сдержала, обратившись к хозяину таверны.

– Простите, не подскажете?

Удивленный мужчина вытаращился на Эниру. Женщинам в паруконе запрещалось разговаривать с кем-то, кроме своего мужа, но сейчас лире было как-то не до этих дурацких правил.

Хозяин испуганно глянул на лестницу, а после вновь на лиру.

– Скажите, пожалуйста, – на идеальном эссорском начала она, удивляясь, почему раньше не додумалась поспрашивать людей. – Знаете ли вы, что такое дамаск?

Мужчина посмотрел на нее, как на сумасшедшую.

– Это же... наш султан.

Энира нахмурилась.

– А разве султана Эссора зовут не Асалбег?

– Звали. Этого ирода Триада свергла. И султаном стал савит Дамаск.

Такой радости лира не испытывала давно.

– Спасибо! – радостно прихлопнув ладошками по столешнице, она бросилась к мальчишкам, забыв про кумысы, лепешки и иже с ними.

Влетев в комнату и захлопнув за собой дверь, Энира стянула с себя тяжелый парукон.

– Эни! Что это? Где моя еда? – возмутился Фалемот.

– Я его нашла! – торжественно объявила лира, возведя руки к потолку.

– Неправда! Ничего ты не наш...

– Что ты нашла? – перебивая Юхана, поинтересовался Киф, как всегда более тонко реагируя на слова и эмоции подруги.

– Дамаска!

– Дамаска? И что же это такое? – удивился Гальморт.

– Не что, а кто. Это султан Эссора!

Мальчишки напряженно переглянулись, не разделяя восторга девушки. Киф сел на край кровати. Проведя ладонью по шершавой щеке, лир осторожно спросил:

– А чего ты так радуешься?

Улыбка вмиг сползла с лица воодушевленной лиры.

– Мне не хочется спускать тебя с небес на нашу грешную землю, но нам к правящим кругам сейчас нельзя.

– Отчего же?

Киф вновь как-то неуверенно обернулся на Юхана. Фалемот лишь скосил нижнюю челюсть вбок, а брови недвусмысленно выгнул, предоставляя тем самым право объяснений другу.

– А тебя мортенийцы не напрягли в Квихле? – задал наводящий вопрос Киф.

Медленно складывая дважды два, лира насупилась. Понятное дело, мортенийцы были на территории квихельмов по приказу Ардала. Но при чем тут Эссор? Этот Оркусом забытый султанат?

– Мне они, конечно, не понравились, но при чем тут Дамаск?

– Тебя пытались поймать мортенийцы, а значит, ты нужна Ардалу, а если ты нужна Ардалу, значит, зачем-то понадобилась Правителям. Если же Правители задалась целью схватить или убить тебя, будь уверена – управленцы всех стран Эвы знают о тебе. И я сильно сомневаюсь, что ты дождешься от них помощи. Султан Эссора вряд ли стал исключением.

От таких новостей резко закружилась голова. Энира растерянно села на край кровати, округлившимися глазами смотря на Кифа.

– Почему ты раньше мне об этом не сказал?

– А что бы это изменило? – пожал плечами Гальморт.

С минуту лира лихорадочно думала.

– Я все равно найду способ поговорить с ним, – наконец изрекла она, сурово сведя брови на переносице.

– Нет, – жестко осадил ее Юхан.

– Да.

– Я сказал, нет, Эни, – на полтона повысил голос Фалемот. – Тебя жизнь ничему не учит? Пойдешь к неизвестному султану так же, как пошла к королю Фостэйна? И что потом? Кто в этот раз должен будет умереть, чтобы тебя вытащить? Я или Киф? Или оба сразу?

– Юхан! – строго оборвал друга Гальморт.

– Разве я не прав?

Какую боль принесли Энире слова Фалемота, не передать. Словно раскаленную кочергу воткнули в грудь и медленно провернули. Она потеряла слишком многих. Киф и Юхан – это всё, что у нее осталось.

– Ты прав... – глухо произнесла Энира.

– Эни, мы найдем савиру, – очень мягким голосом заговорил Киф, как бы извиняясь за жестокие слова Фалемота. – Она укажет нам дорогу к Запретным Лесам. Я тебе обещаю, мы доберемся до них. Слово квихельма.

Лира благодарно улыбнулась другу, похлопав его по колену.

Шум города глушил Эниру. Внимание рассеялось, да и сама лира будто растворилась в этом суетном хаосе. Она сидела на белом мраморе огромного круглого фонтана, в центре которого на добрых шесть метров возвышался неизвестный мужчина в восточных одеждах.

«Какой-то из Асалбегов, должно быть», – пронеслась и забылась мысль.

Фонтан стоял в центре огромной площади, расположенной возле дворца, совершенно не впечатлившего Эниру. Он был выложен разноцветной блестящей мозаикой, повсюду высились огромные колонны, пенящаяся лепнина и позолоченные купола. Возможно, многие открывали рот от подобного богатства, но лире такая «красота» претила.

Почему она сюда приходила? Да потому, что здесь располагался большой фонтан. Океан, конечно, не заменял, но лучше этот крохотный источник воды, чем вообще никакой. Уже четвертый день подряд она выбиралась сюда и полдня проводила сидя возле животворящей влаги, наблюдая и слушая вечно куда-то спешащих людей. Именно здесь лира узнала, что султан Дамаск покинул Эссор, и что правят султанатом сейчас его визирь – савит Бирм и третий маг Триады – савит Ганс.

Нет, Энира не искала встреч с Дамаском. После жестоких, но правильных слов Юхана, она отказалась от этой идеи. Всё ее существование сводилось к томительному ожиданию. Она поняла, что в прошлом ей не хватало именно терпения. Отныне лира усердно воспитывала в себе это качество, изо дня в день ожидая мальчишек с поисков савиры.

Лениво переворачивая в голове очередную страницу своей книги мыслей, Энира не сразу заметила изменения в толпе. Шум и гам вдруг резко смолкли, люди расступились ближе к домам, освобождая пустой коридор улицы правее площади. Возле фонтана же, наоборот, выстроилась настоящая живая стена.

Только спустя минуту Энира поняла причину. По расчищенной улице верхом на бело-снежном рысаке ехал султан. Лира сразу отметила ладность его фигуры, затянутой в молочного цвета закрытые одежды: широкие плечи, сильные руки, мощная шея, квадратный мужественный подбородок и... светлая короткостриженная борода! Энира оторопела. Волос султана она не видела из-за белого тюрбана с огромной драгоценной брошью, но борода! Ее цвет был далеко не так светел, как у лиры, но всё же светлый. Она даже не заметила карберов в кроваво-красных одеждах, сопровождающих султана.

«тебе нужен дамаск»

Сараха не стала бы писать это послание, не будь оно так важно. Отринув осторожность, Энира встала на мраморный фонтан, чтобы ее было видно в полный рост.

Тем временем толпа словно ожила и начала раболепно кричать хором нестройных голосов:

- Да здравствует султан Дамаск!
- Дамаск!
- Сила Триады!
- Великий султан!
- Справедливейший из всех султанов!
- Султан всех султанов!..

Поняв, что перекричать весь этот восторженный люд голосовых связок не хватит, а рысак Дамаска уже подъезжает к воротам, лира решила действовать. Она спрыгнула на землю и, активно используя локти, начала пробиваться вперед. Несколько раз ее больно толкнули в спину, и она вызвала даже одну заварушку. Не поняв, кто их пихнул, двое мужчин устроили разборки. Но чем они закончились, лира так и не узнала. Толпа оказалась настолько плотной, что тяжело было дышать, не то что в ней двигаться. Однако Энире удалось выбиться в первый ряд и в прямом смысле слова вывалиться на одного из карберов. Стражник тут же ее оттолкнул. Но Эни не для того с такими колоссальными усилиями пробивалась. Словно мышь, она ловко проскользнула между широко расставленных ног карбера и кинулась под копыта белого мерина султана. Животное недовольно заржало. Стражники тут же бросились за нарушительницей, но, прежде чем они скрутили лиру, она быстро стянула повязку, встретившись с гневным взглядом Дамаска, который за одно мгновение побледнел.

– Помоги, Дамаск, – почему-то перейдя на керабский язык, крикнула Энира, за ошалелым стуком своего сердца не слыша разъяренный вой толпы.

Руки лиры до боли заломили за спину, согнув в три погибели. Энира поняла, что ее куда-то потащили, и она уже успела испугаться, что страшно сглупила, но раскатистый голос султана развеял эти страхи.

– Отпустить!

Давление на руки и спину слегка ослабло, но не исчезло.

– Повелитель... – неуверенно начал один из карберов.

– Я сказал, отпустить, – со скрытой угрозой произнес Дамаск.

Почувствовав свободу, Энира распрямилась, но взгляд не подняла, боясь, что ее глаза увидят карберы. Толпа смолкла. И в этой напряженной тишине послышался цокот копыт султанского рысака о брусчатку, словно камнепад в горах.

– Натяни повязку, – негромко приказал Дамаск.

Лира повиновалась, и стоило мягкой ткани вернуться на прежнее место, как сильные руки впелись ей в подмышки, таща вверх. Султан легким движением поднял ее и, усадив впереди себя, направился во дворец.

Пока они скакали по газону ухоженного сада, углубляясь всё дальше, лира с легкой ноткой паники решала – правильно поступила или нет. Может ли история с Айданом повториться? Прислушавшись к внутренним ощущениям, лира почему-то успокоилась. Дамаск другой.

Остановившись возле высокой беседки из малахита в форме пятиугольника, обвитой широколиственным вьюном, султан спрыгнул, помогая спуститься девушке, галантно проводил ее до скамейки, после чего сел напротив.

Облокотившись о колени и сложив ладони, прижимая их к губам, словно в мольбе, Дамаск долго рассматривал Эниру.

– Как тебя зовут? – наконец изрек он, переходя на керабский.

– Энира.

– И чем же я могу помочь тебе, Энира?

Решив прыгнуть прямо с места в карьер, лира с надеждой спросила:

– Тебе известно, где находятся Запретные Леса?

Лицо султана удивленно вытянулось, а спина выпрямилась. Казалось, он ожидал услышать всё что угодно, но точно не про Леса вейланов.

– Нет. И я не знаю, кто вообще мог бы это знать, кроме Ардала.

Лира не расстроилась. Она просто опешила. Зачем тогда Сараха велела искать этого Дамаска?

Так как девушка молчала, султан решил вновь заговорить первым:

– И это всё?

– Очевидно, да, – сама не веря в свои слова, произнесла Энира, изумленно смотря на правителя Эссора.

Сначала Дамаск всем своим видом выражал крайнюю степень непонимания, после чего явно разозлился, хлопнув ладонью себя по колену.

– Оркус светлый! О чем ты только думаешь, девочка!? Тебя ищут фархары, поэтому Ардал хочет убить тебя. У всех нас приказ поймать тебя и отдать Правителям. Его нарушение будет караться смертью. Известно ли тебе об этом?

Почему-то испытывая чувство стыда, Энира сцепила руки конвертиком и виновато ответила:

– Известно.

От возмущения Дамаск даже на ноги поднялся.

– Какого храга ты тогда себя так подставляешь!? – гаркнул он так, что с ветки соседнего дерева испуганно упорхнула маленькая синяя пташка.

– Мне так сказала савира.

– Что именно она тебе сказала?

– Она сказала, что мне нужен Дамаск, – быстро ответила Энира, чувствуя себя нашкодившим ребенком. – Другого Дамаска я не нашла, а значит, это ты.

Замерев на минуту, султан размышлял, после чего уже более спокойным тоном спросил:

– Тебя беспокоит лишь местоположение Запретных Лесов?

Откровенно говоря, беспокойств у лиры было много, но Вейлир действительно занимал почетное первое место.

– Да. Мне жизненно необходимо туда попасть.

Дамаск отвернулся и, подойдя к малахитовой колонне, прислонился к ней плечом. Испытывая волнение, Энира тихо сидела и разглядывала спину султана. Удивительно, но с этим человеком она ощущала какую-то сакральную связь, хотя видела впервые. Возможно, всё дело в светлом цвете волос. Привыкнув к грустной мысли и преодолев в себе чувство тоски и одиночества, что она одна такая на Эве, сейчас лира видела похожего на себя человека, и в сердце разливалось родственное тепло.

Обернувшись, Дамаск критично глянул на лиру.

– Ты одета под паруконом? – спросил он.

– Да.

– Снимай. Сегодня жара. Еще полчаса, и ты в нем сварисься.

В паруконе и правда было невыносимо жарко. Энира нервно оглянулась через плечо.

– Не переживай, здесь тебя никто не тронет, – произнес султан обнадеживающие слова.

Стянув с себя уже изрядно надоевший парукон, лира почувствовала приятный свежий воздух. Голубая рубашка и шаровары, конечно, уже были мятые и слегка влажные, но это такие мелочи.

– Пошли.

Дамаск забрал из рук Эниры парукон и направился в сторону дворца.

– Если савира сказала, что я смогу помочь тебе найти Запретные Леса, значит, нужно попробовать поискать, – начал вслух высказывать свои размышления султан. – В этом дворце

есть библиотека, в которой хранятся документы и записи, собранные Маркешем Хаштабаром. Он был великим ученым...

– Я знаю, кто такой Маркеш Хаштабар, – непочтительно перебила Энира, семеня за Дамаском следом по вымощенной белым мрамором дорожке.

– Хорошо, – спокойно отреагировал султан на бесцеремонность. – Библиотека будет в полном твоём распоряжении.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Энира, а затем, вспомнив его слова о том, что Правители обещали убить того, кто приютит ее у себя, неуверенно спросила: – Скажи, Дамаск, а что...? Что будет с...?

Не зная, как выразить свою мысль, лира замялась.

– Что будет со мной, если Ардал узнает о твоём присутствии в моём дворце? – помог султан девушке.

Энира лишь виновато кивнула.

– Не знаю, – безразлично пожал он плечами. – Посмотрим. Будем надеяться, что они не узнают.

Слова Дамаска вызвали беспокойство у лиры. Как-то совсем не по-султански это прозвучало.

Глава 6

Ошибка в расчетах

Восточный султанат

Эссор, столица

3038 г.

Тишину рабочего кабинета нарушал скрип пера. Книжные стеллажи, две лакированные тумбы, крупноворсистые аляповатые ковры, мягкие диваны и кресла утонули в ночной темноте эссорской ночи. Магический бирюзовый шар, зависший над головой Дамаска, скупо освещал поверхность стола.

Закончив писанину, султан свернул пергамент в трубку. Отчитываться перед Правителями ему не нравилось. Кто-то донес ардальскому послу о том, что на его земле видели Светлую. Так что в Эссор через месяц с острова магов обещали прислать целую делегацию. Полночи Дамаск писал лицемерное письмо, что в его владениях нет, не было и не будет никакой Светлой, что сами Правители могут приехать к нему во дворец, дабы в этом убедиться, и что он, конечно же, будет безмерно счастлив, если они почтут его визитом.

Дамаск устало откинулся на спинку стула. Слишком много проблем принесла с собой Энира. Белый и сам до конца не понимал, почему решил ей помочь, ведь он правда боялся Ардала и возмездия Правителей. Возможно, дело в савире, которая сказала девочке, что именно Дамаск должен ей помочь. Именно прорицательница поведала, когда Триада должна начать действовать, чтобы свергнуть Асалбега. Только благодаря савире Дамаск теперь султан. Как может он после этого не прислушиваться к «гласу Оркуса», коим являются провидицы Эвы. А может быть, дело в вейланах, присутствовавших несколько месяцев назад на собрании в Ардале. Дети ветра знали и чувствовали чуть больше, чем остальные народы мира. Они единственные воспротивились смерти Светлой. Почему Дамаск должен встать на сторону Правителей? Кто сказал, что они правы?

Белый ни за что не сдаст Эниру Ардалу. За три седмицы султан уже успел проникнуться к ней необъяснимой сильнейшей симпатией. Когда он заходил в библиотеку, где с утра до ночи копошилась Энира со своими двумя друзьями, которые, как полагал Белый, являлись квихельмами, она всегда так искренне радовалась. Никто никогда не был так счастлив видеть его, как эта девочка. Стоило Энире заприметить султана, как на ее лице загоралась лучезарная улыбка, а в необыкновенных аквамаринových глазах появлялось выражение щенячьего восторга. Это не походило на восторженную влюбленность девушки, это было восхищение ребенка. Дамаск так ее и воспринимал. Энира вызывала в нем братские, почти отцовские чувства.

Когда о ней узнал Бирм, он визжал как поросенок, что девчонку нужно отдать Ардалу или убить. Но Дамаск сумел его осадить, запретив рассказывать Шаху, Пиксу и Гансу. Никто из них не бывал в библиотеке с детства, так что вероятность встретить Эниру у них минимальна.

Однако это было далеко не всё, что волновало Дамаска. С украденным у фархаров кубом, спрятанным в пустыне Фаджар, творилась какая-то дикость. Поставленная над артефактом метка начала видоизменяться, причиняя Дамаску неприятные ощущения, стоило через астрал связаться с ней. Полностью переходить в эфир Пустыни Белый опасался, зная извращенную Силу этого места. Поэтому собирался в ближайшее время съездить на место захоронения и там с чувством, с толком, с расстановкой со всем разобраться.

Еще одна головная боль свалилась на Дамаска несколько дней назад. Шах подвергся нападению. И не кого-нибудь, а квихельма! Не понаслышке зная законы Братства, султан не стал его убивать, бросив в тюрьму, пока не примет решение, что с ним делать. Шах, конечно, требовал крови, но Бирм встал на сторону султана, и бывшему предводителю Скорпусов пришлось уступить.

Немыслимо напрягало бездействие фархаров, словно затишье перед бурей.

Слегка нервировали переворот в Хасаре и восхождение на престол якобы законного наследника династии Берханов – Тайхара I. Раздражал скорый приезд фостэйнского мага. Но больше всего его выводила из себя вся эта история с отмщением Атонаху. А точнее, рыжая заноза, что уже начинала нарывать и кровоточить.

Стоило подумать о Риккарде, как Дамаск до скрипа сжал зубы. Он не понимал, что за эмоции она в нем вызывает. Хотя почему не понимал? Понимал. Похоть. Очень простое, бесконтрольное и примитивное чувство. И это бесило Дамаска. Девчонка являлась далеко не идеалом красоты, но она, словно колдунья, привораживала его каждый раз, стоило ему спуститься в эту вонючую, холодную и сырую камеру, в которой она сидела вот уже месяц. Поняв, что никто не будет отрезать ей пальцы, рыжая быстро забыла свой страх.

Она была настолько вульгарна, что если бы Дамаск не знал, кто ее отец, то решил бы, что это бордельная девка с многолетним стажем. Каждое ее движение, каждое слово, улыбка, вздох провоцировали Белого. Но он раз от раза останавливал себя, внушая, что страшно брезгует.

Белый глянул в окно. Ночь. Должно быть, часа три-четыре. Вновь подумав о рыжей, кровь в венах зажглась.

– Кардаш, – сквозь зубы выругался султан, с противным скрипом отодвигая стул и быстро направляясь к двери.

Тюрьма находилась в подземелье. Спустившись, Дамаск зажег магический пульсар, бесшумно поплывший за ним. Пройдя мимо безмолвного поста охраны, он направился к камерам заключенных. Воняло здесь невообразимо. Букет, собравший в себя запахи канализации, немых тел, гнилья, сырости и плесени, просто уничтожил вошедшего с порога, заставляя развернуться и бежать обратно. Но за месяц Дамаск научился абстрагироваться от этой вони.

Пройдя глубже, он подошел к нужной камере. Белый ожидал, что пленница спит на своей жесткой деревянной кровати. Однако девушка бодрствовала. Знала ли она, что Дамаск пришел, и делала всё специально или же такова была ее природа? Но первое, что он увидел, когда подошел к камере, как стройное тело по-кошачьи потягивается, стоя в серебряных лучах Чары, несмело пробивающихся через крошечное окошко под самым потолком.

Высокая грудь натянула и без того короткую кофтенку, не прикрывающую живот, а спина выгнулась, словно лук охотника. Ее изумрудный наряд сильно напоминал открытые цыганские костюмы, что одновременно завораживало и нервировало Дамаска.

Закончив этот маленький спектакль грации, Риккарда повернулась в сторону решетки. Хитрые черные глаза заискрились, а губы изогнулись в соблазнительной, плутоватой улыбке.

– Что же ты не заходишь в мою скромную обитель? – растягивая слова, спросила Рикка, медленно подходя к Дамаску. – Я скучала по тебе, мой прекрасный султан.

Больше всего Белого поражало то, что ей было абсолютно безразлично в каком она виде. Несмотря на то, что рыжая не мылась уже месяц, хотя, очевидно же, что банные процедуры девушка любила (выловили они ее аккуратно после бани), держалась она всегда так, будто находилась на королевском приеме. И это подкупало мужчину.

Дамаск ничего не отвечал. Риккарда рассмеялась, запрокинув голову. Когда смех стих, она многообещающе посмотрела в глаза султана, игриво прикусив нижнюю губу.

– Зачем ты пришел ко мне в эту холодную ночь, господин? Ты желаешь согреть мое мягкое тело своими горячими руками?

Копившееся возбуждение развязало руки. Заткнув голос разума, Дамаск резким движением притянул Риккарду к себе, вжав ее в металлические прутья. Девушка захохотала.

– Чего ты добиваешься, рыжая? – прошипел Белый, одновременно проклиная и благословляя разделяющую их решетку.

– Я? Так это же ты ко мне пришел. Ну хорошо. Если я скажу, что твоей любви, ты мне поверишь? – почти серьезно прошептала Риккарда, мгновение с интересом наблюдая за султаном, после чего вновь обнажила белые зубы.

Сильнее сжав в кулаке рыжие волосы, Дамаск зло проговорил:

– Так любви не добиваются. Женщины таким образом наживают только неприятности.

Риккарда схватила султана за руку, которая причиняла ей боль. Девушка прикрыла глаза и, продолжая улыбаться, облизнула губы.

– Что для одной женщины неприятности, для другой – желанное наслаждение, – с легкой хрипотцой в голосе протянула рыжая ведьма.

Чувствуя, как сладкая боль запульсировала внизу живота, Дамаск еще сильнее стянул волосы девушки, желая сделать больно ей. Начав морщиться, Рикка просунула руку через решетку и вцепилась в плоть султана.

– Сука! – ударив металлические прутья, Дамаск, словно ужаленный ядовитым пауком, отпрыгнул в сторону.

Тяжело дыша, мужчина разъяренным волком смотрел на Рикку. Самодовольно ухмыляясь, рыжая вальяжно облокотилась о горизонтальные створки решетки и плавно поднесла палец к губам.

– Ш-ш-ш-ш-ш... – ласково призвала она к тишине, а затем вкрадчивым шепотом добавила: – Ты разбудишь других узников. Да и карберы твои услышат. А ты же не хочешь, чтобы кто-то знал о нашей с тобой запретной любви, не так ли?

Не отвечая на провокацию, Дамаск пошел прочь, перебарывая в себе желание остаться и послушать, что еще скажет эта порочная ведьма; как еще сможет его к себе завлечь; какой еще даст повод...

– Я буду ждать тебя, мой добродетельный султан, – проворковала рыжая.

Уже поднимаясь по лестнице и выходя из подвала, Дамаск услышал отдаленное эхо смеха Риккарды. Испепеляющее разум желание требовало выхода. Добравшись до своих комнат, Дамаск велел привести ему наложницу.

Миловидную девицу султан не отпускал до самого утра, снова и снова гоня от себя мысли о рыжеволосой ведьме.

Следующий день принес трезвость Белому. Вчерашний визит в каземат к Риккарде он вспоминал с содроганием. Зачем вообще его понесло туда? Иначе, как наваждением, это не назовешь.

Открыв дверь в библиотеку Маркеша, Дамаск неприязненно поморщился от царившего там беспорядка. Горы фолиантов, свернутых пергаментов, измятых бумажек валялись по всему полу этого храма знаний. Однако его больше насторожило отсутствие маленькой фигурки, копошащейся в этих горах. Обычно в это время лира уже приходила во дворец.

Подойдя к небольшому полосатому диванчику с высокой спинкой и глянув на него сверху вниз, Дамаск обнаружил пропажу. Энира, закопавшись в листах и древних папирусах, сладко спала, свернувшись клубком. Присев на корточки, Белый со щемящей сердце нежностью рассматривал лицо девочки.

«Бедное дитё. Ни ест, ни пьет, всё в этой книжной пыли роется», – с жалостью подумал султан, удивляясь своим мыслям.

– Эй, Эни, – тихо позвал он лиру.

Сонно что-то проворчав, Энира открыла один глаз. Узнав посетителя, девушка расплылась в улыбке, вновь закрыв глаз.

– Здравствуй, Дамаск.

– Здравствуй, Эни. Ты сегодня не уходила из дворца?

– Прости, Дамаск. Мне показалось, что я нашла книгу, в которой могло бы быть упоминание о Вейлире. Сидела до утра, читала, даже не заметила, как уснула, – поделилась своими «приключениями» Энира, продолжая досматривать сны.

– А где твои друзья?

Прежде чем ответить, лира тяжело вздохнула и замолчала. Дамаск подумал, что она вновь уснула, как девушка неожиданно ответила:

– Они опять ушли искать савиру.

– Хорошо. Тогда ты можешь спокойно отдохнуть, – намереваясь отправить лиру спать, Дамаск потянул ее за руку, призывая сесть.

– О нет, нет. Мне нужно еще много чего прочитать. Я примерно поняла, где нужно искать. Так что, думаю, мои поиски вскоре увенчаются успехом.

Нехотя продрав глаза, Энира сидела, словно нахохлившаяся птаха, шурясь от яркого света. Сфокусировав взгляд на Дамаске, она вновь улыбнулась глуповатой, счастливой улыбкой. Султана это окончательно обезоружило.

– Пошли. Тебе нужно поспать. Библиотека никуда не денется, а ты в таком состоянии обязательно пропустишь важную информацию. Отдохнешь и с новыми силами приступишь к работе.

– Но до таверны так далеко идти, – с непередаваемой усталостью в голосе произнесла Энира.

– Думаю, в этом серале мы найдем тебе какую-нибудь комнатку.

– Я была бы очень признательна.

Прежде чем вывести лиру из библиотеки, Дамаск накинул ей на плечи голубой плащ, без которого она не приходила и не уходила из дворца, и натянул на голову капюшон.

Приведя Эниру в покои, расположенные рядом с его кабинетом, Белый уложил девушку в постель. Лира уснула моментально, стоило коснуться подушки.

«Сколько ж ты не спала?» – мысленно задал вопрос султан, чувствуя вину перед этим юным созданием.

Раздумывая над возможностью наемных рабочих, которые помогли бы лире в поисках, Дамаск в который раз отмахнулся от этой идеи. У людей слишком длинные языки. Ардал может узнать, что эссорский султан ищет Вейлир, а после докопаться до истоков этих поисков.

– Прекрасно! Великолепно! А не кажется ли тебе, братец, что храговы выродки зачастили совать свои длинные носы в наши дела? – отражался от стен султанского кабинета возмущенный голос Шаха.

Сидя на диванчике возле двери, скорпус недвусмысленно выражал свое мнение о делегации Ардала, нервно дрыгая ногой так, что, казалось, сейчас сапог слетит.

– Политическая обстановка такая. Что я могу поделаться? Придется принимать. На тебе, кстати, прием, – ответил Шаху Дамаск, подписывая очередной документ.

Султан старался не обращать внимания на сверлящий взгляд своего визиря, сидящего за письменным столом напротив. Только он знал о настоящей причине приезда делегации.

– Это некстати, Белый. Это совершенно некстати. Кстати с Ардалом никогда не бывает, – раздраженно роптал правая рука султана.

– Что с кубом? – оборвал бессмысленные излияния скорпуса Бирм, подав Дамаску еще одну бумажку, чтобы тот поставил печать.

Налив на листок растопленный сургуч, Дамаск приложил кольцо к красной лепешке.

– Не знаю, что с кубом. Меняется он. На днях хочу смотаться в Фаджар, – проверив, хорошо ли отпечаталась гербовая голова кобры, и удовлетворившись результатом, султан отдал документ обратно визирю.

– Так к нам же на днях должен прибыть «император» всея мира, – напомнил Шах.

– Ну прибудет и прибудет. С кубом тоже уже тянуть нельзя. Мне надо его либо забрать из Фаджара, либо метку снимать. Я уже спать нормально не могу. Все соки из меня через астрал вытягивают.

– И что мы будем делать с этим фостэйнским ублюдком без тебя? – не унимался скорпус.

– А что вы с ним делать собрались? Он не к нам приезжает, а по приказу Ардала. Его задача – активировать кристаллы Эрорра, а после свалить за горизонт. Ваше дело – следить за ним и не дать узнать больше положенного.

На мгновение повисло молчание, во время которого раздавался лишь скрип пера Дамаска.

– Хорошо. А что делать с операцией «месть Атонаху»? – как бы между прочим поинтересовался Бирм.

Прекратив писать, Белый бросил перо и откинулся на стуле. Он сам не знал, что делать со всей этой историей. Не так султан представлял уничтожение Атонаха. За месяц король Дна ни разу не подал вестей, хотя, скорее всего, он знал, кто похитил его любимую дочурку. Но, похоже, он исчез из Керибюса. А его место занял Ветер.

«Может, он вообще убил его?» – пронеслась пугающая мысль.

Тогда всё это похищение вовсе теряло смысл.

«Нет, об этом бы всё Дно трубило на каждом углу», – тут же успокоил себя султан. – «Значит, Ветер замещает Атонаха и, скорее всего, держит с ним связь».

Дамаск устало протер глаза.

– Нужно отправить Ветру письмо с угрозой и прядь волос Риккарды.

– Думаешь, Ветер передаст письмо Атонаху? – с сомнением спросил Бирм. – Честно говоря, я уже решил, что Ветер порешит его, чтобы власть к рукам прибрать.

– Ветер слишком тупой, чтобы держать власть в своих руках. А он, говорят, уже год на «троне», – подтвердил Шах догадки Дамаска. – Незримый перст Атонаха указывает ему, куда идти и что делать.

– Я тоже так считаю, Шах, – поддакнул султан, затем резко переменял тему разговора. – Где Пикс?

– Там, куда ты его послал, – издевательски изломал бровь скорпус, расслабленно раскидывая руки по спинке дивана. – Контролирует контролеров на ардальской стройке порта.

– Тогда, Ганс, будь добр, – обратился Дамаск к младшему немому магу, скромно сидящему на диване в углу кабинета и листающему книгу. – Спустись, пожалуйста, к нашей узнице и отрежь у нее локон волос.

Зеленоглазый маг неохотно кивнул, скорчив недовольную мину.

– Смотри-ка, не только мне не нравится эта рыжая. Да, Ганс? Аж перекосило бедного, – довольно хохотнул Шах, после чего положил руку на грудь и сердечно добавил: – Прости, брат, я хотел бы тебя выручить и принять весь удар на себя, но у меня слишком много дел. Много-много-много дел.

Не обращая внимания на скорпуса, султан вновь обратился к младшему магу, продолжая неотрывно писать документы:

– Ганс, я буду тебе крайне признателен, если ты сделаешь это до вечера.

Немой мужчина лишь тяжело вздохнул, вызвав издевательский хохоток Шаха.

Беседа плавно сошла на нет. Четыре правителя Эссора наслаждались редкой тишиной и безмолвием. Никто не смел нарушать это волшебство безделья. Выдвинув ящик стола, Дамаск начал там копаться в поисках нового пера.

Щелкнула дверь.

– Ой, простите! – испуганно воскликнул знакомый девичий голос.

Дверь захлопнулась.

С замершим сердцем Дамаск поднял голову, успев заметить лишь, как застывший на секунду Шах, с ошарашенным лицом уставившийся на дверь, неожиданно вскакивает с дивана и скрывается из поля зрения.

– Кардаш... – сквозь зубы выдохнул Белый, перепрыгивая через стол, понимая, что это была Энира.

Вылетев в коридор, Дамаск магически запечатал за собой выход, чтобы Ганс и Бирм не вышли. Перед глазами предстала забавная сцена. Скорпус, нагнав лиру, схватил ее за руку, сдернул капюшон и тут же получил кулаком в свой горбатый нос. Энира огромными глазами перепугано смотрела на стоявшего перед ней мужчину, зажимающего лицо. Казалось, удар у нее получился помимо воли. Девушка начала медленно отходить спиной от скорпуса, но он, как бешеный рвач, вцепился ей в руку.

– Шах, отпусти ее! – приказал Дамаск в тот момент, когда лира со всего маху прыгнула на ногу своему преследователю.

Мозаичный коридор огласил душевный, богатый мат.

С ужасом в глазах Энира посмотрела на султана.

– Дамаск! – облегченно воскликнула девушка, пытаясь высвободиться из мертвой хватки скорпуса.

Несмотря на боль, Шах так ее и не отпустил.

– А ну разожми клешни, мерзавец, – морщась, агрессивно выдала лира на эссорском (присутствие султана придало ей смелости).

На этот раз изувеченный мужчина внял «просьбе». Маленькая фигурка тут же скользнула за спину Дамаска, прячась от обидчика.

– Это Светлая, Дамаск! – с изумлением и яростью крикнул Шах, неприлично ткнув в выглядывающую из-за плеча султана девушку.

– Я в курсе, – спокойно кивнул Белый, внутренне готовясь к обороне (словесная баталия с Шахом будет далеко не такой легкой, как с визирем).

– Ах ты в курсе!? Так, походу, еще кое-кто об этом знает. Ардал, видать, тоже в курсе, брат? Делегация прибудет не по этому ли поводу?

– Ардал?.. – раздался за спиной шепот ужаса.

– Успокойся, Эни, тебя никто им не отдаст, – обнадеживающе произнес султан, обернувшись на трясущуюся лиру.

– Да я собственноручно сдам ее сегодня послу! – скорпус брызгал слюной, попутно вытирая капающую из носа кровь. – Ты хоть отдаешь себе отчет, что может произойти? Ты сам говорил, что они всемогущи! Ардал сотрет нас с лица Эвы! Уничтожит всё, что мы так долго создавали! Ты хочешь похоронить нас всех, Белый? Ее нужно отдать Ардалу!

– Если ты ее тронешь, будешь иметь дело со мной, Шах, – ровным тоном ответил султан. – Со мной – как с магом. Девочка под моей личной защитой.

Скорпус зло сплюнул.

– Ты всех нас угробишь, Белый...

– Ты меня услышал, Шах.

Совесь была спокойна. Значит, Дамаск всё сделал правильно. Развернувшись к Энире, похожей сейчас на испуганную лань, султан натянул на нее капюшон. Молча положив ладонь между лопаток лиры, Белый легонько ее подтолкнул, призывая к движению. Пыхтящий от гнева Шах провожал их взглядом, пока они не скрылись за поворотом.

Долго маг и девушка шли, не проронив ни звука, но когда они уже заходили в библиотеку, Энира вдруг затараторила:

– Дамаск, прости. Я не знала, что ты в кабинете не один. Я бы вообще не стала тебя беспокоить, но мне никак не удавалось вспомнить, как добраться до библиотеки. Мне так стыдно! Я же знала, что нельзя никому показываться... Ты не сдашь меня Ардалу?

В ее глазах плескался океан беспокойства и ровно столько же доверия.

– Конечно, нет, Эни. Мужчину, которого ты слегка «приукрасила», зовут Шах. Он входит в мой правящий круг. Так что не переживай, кто-кто, а он против меня не пойдет, – грустно улыбнувшись, успокоил Дамаск. – Занимайся. Скоро придут твои друзья. Они уже заходили, когда ты спала.

– Хорошо, – благодарно улыбнулась лира, направившись к одной ей ведомой горе книг.

– Вечером я зайду тебя проведать.

– Хорошо, – уже более отстраненно ответила девушка, закапываясь в кучу пергаментов, что-то разыскивая.

Закрыв двери библиотеки, Дамаск направился обратно в кабинет. Очередная головная боль свалилась на него неожиданно-негаданно. Несмотря на свои собственные слова утешения для Эниры, Белый не был так уверен в скорпuse. Шах может не внять угрозе. Надо хорошенько обдумать, как защитить Светлую, пока он будет убеждать друга принять его сторону.

Глава 7

Немой обманщик

Восточный султанат

Эссор, столица

3038 г.

От словосочетаний букв, слов и предложений уже тошнило. С раздражением размышляя, что пересмотрела полбиблиотеки (а она была огромной – широченные стеллажи достигали пяти метров, и было их здесь аж сорок семь штук!), Энира обреченно посмотрела в окно. Высота завораживала. Вдалеке, у самого горизонта, виднелась кромка пустыни Фаджар. Очень экзотичный переход: сотни рядов нестройных домов с красными крышами обрывались зелеными фруктовыми садами, укутывающими землю хризолитовой зеленью, которая резко врезалась в песок, словно кто-то просыпал его из огромной лопатки.

Лира уперлась лбом в стекло окна, облокотившись о проем. Правая рука безжизненной плетью повисла, удерживая тонкую книгу под названием: «Захватывающие путешествия Аргона V по самым темным уголкам Эвы». Мало того, что путешествия оказались далеко захватывающие, так еще и про Запретные Леса ни слова сказано не было.

«Пещера с диким вепром – далеко не самый темный уголок Эвы», – зло подумала Энира, понимая, что потратила еще один драгоценный час впустую.

Откинув в огромную кучу уже отсмотренных книг этот дурацкий опус, лира повернулась ко второй горе еще непрочитанных. У самой двери стояло красно-розовое полосатое кресло с золотыми ножками. Боковое зрение зацепило темную фигуру, сидящую в нем. Она обернулась и застыла. На нее смотрели уже знакомые зеленые глаза. Те самые глаза сумасшедшего на диком пляже.

Сердце бешено заколотилось.

«Как он смог меня здесь найти?.. Как вообще пробрался во дворец?», – заметались панические вопросы в голове.

Рядом с окном трещал магическим холодным огнем камин. Пламя в нем хоть и ненастоящее, но вот кочерга рядом вполне натуральная. Лира медленно стала подходить к ней, не сводя глаз с безумца. Как только он резко поднялся с кресла, Энира в два прыжка добралась до камина и схватила кочергу.

– Я не трону тебя, поверь, – подходя ближе, негромко произнес сумасшедший, добродушно улыбнувшись. – Я так боялся, что больше не увижу тебя.

Перехватив кочергу покрепче, лира предупреждающе ее подняла. Однако это нисколько не смутило зеленоглазого мужчину. Он дошел до дивана и, аккуратно присев, восхищенно воззрился на девушку.

Разрываясь от желания позвать на помощь и понимания, что еще одного скандала с ее участием допускать категорически нельзя, Энира бросила быстрый взгляд на двери, а после вновь на незнакомца.

– Пожалуйста, не злись, что я подсматривал за тобой. Это вышло случайно. Я с детства хожу к океану. Никто никогда не тревожил меня там. И тут появилась ты...

Морские брызги рассыпались светом.

Громады скал обняли океан,

Он тихо пел дыханьем ветра,

Он раскрывал любой обман.

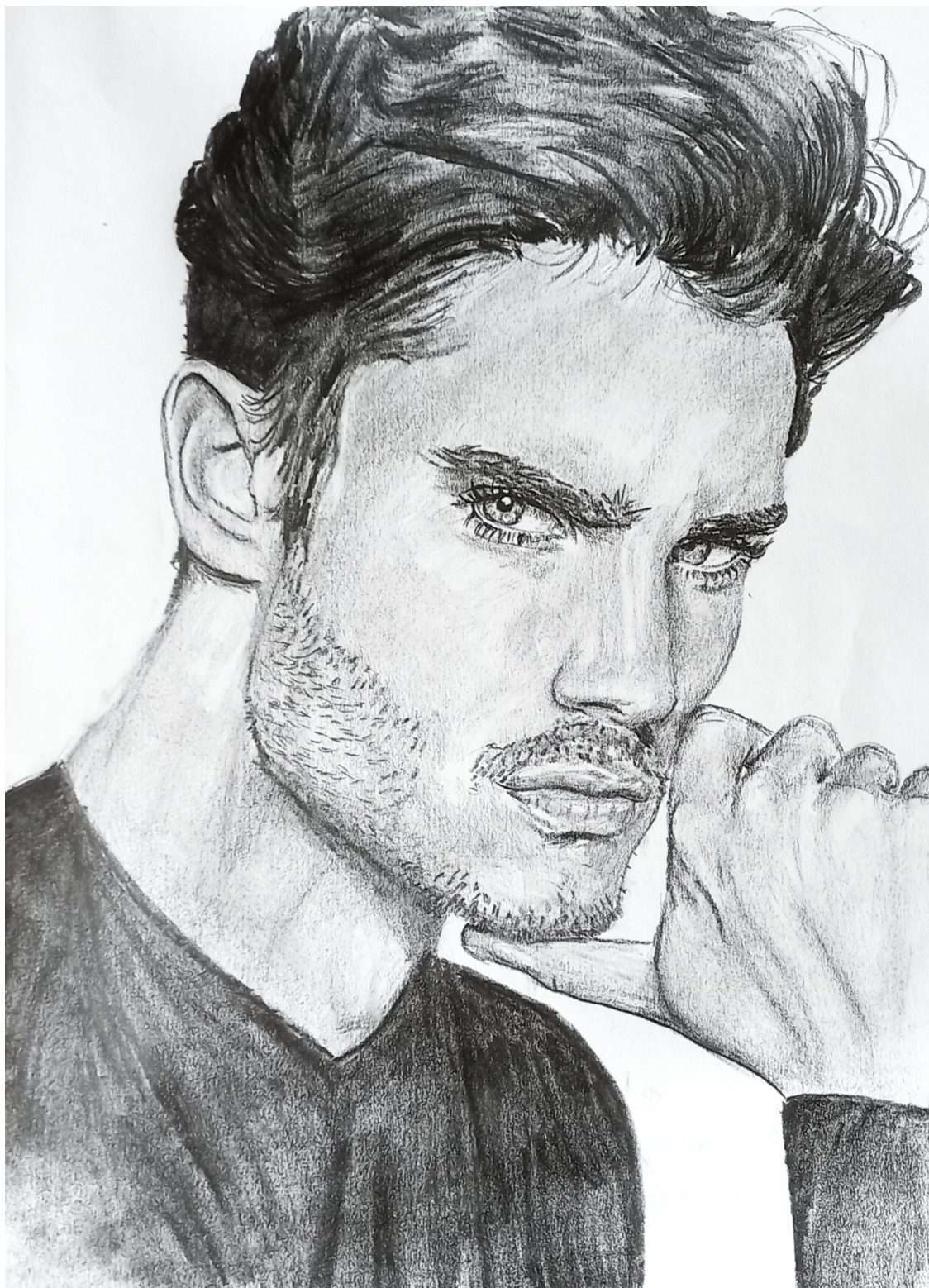
Обман, хранимый тайно в сердце.

О той мечте, что в нем живет, —

Любить одну до самой смерти.

Я верил, что любовь придет.
И ты пришла...
Пришла из сказки.
Прозрачна, облачна, тонка.
Твой лик вобрал Илара краски,
А тело красоту стекла.
Ты мою душу пробудила,
Ты мое сердце забрала,
И разум мой ты победила,
Ты смысл жизни придала.
Позволь тобой мне любоваться,
Узнать на вкус твои уста.
Ты разреши тебя касаться.
Поверь, любовь моя чиста...

Непонимающе хлопая глазами, Энира внимательней осмотрела мужчину. Темно-зеленая жаккардовая рубашка, вышитая золотыми витиеватыми узорами на воротнике и рукавах, светлые габардиновые свободные брюки с изумрудной головой змеи на правой ноге, от бедра до самой щиколотки, замшевые мокасины цвета слоновой кости, указательный палец левой руки венчал золотой перстень с огромным рубином – символ человека, входящего в правящий круг.

Не отрывая взгляда от кольца, Энира опустила кочергу.

– Кто ты такой? – с изрядной долей недоумения спросила она, оставшись равнодушной к стихам (еще в Квихле Фихад Хлотар обесценил для нее любовную поэзию).

Зеленоглазый поднялся с дивана и сделал шаг в сторону лиры. Девушка тут же предупредительно вытянула железную палку.

– Не подходи! – воскликнула Энира, злясь про себя на Кифа и Юхана (куда они запропались?).

Подняв руки кверху, мужчина остановился и мило улыбнулся, обнажив ровные бело-снежные зубы. Вообще, он был очень красив. Даже, если быть точнее, совершенен. Идеальный разрез глаз, густые пушистые ресницы, за которые убила бы любая женщина, коротко стриженные темные волосы, торчащие небрежным ежиком, полные губы, обрамленные идеальной формы коротенькой бородой, притом видно было, что специально ее не выравняли, она сама по себе росла безукоризненно – волосок к волоску. Сложен он тоже был неплохо. Ни толст, ни сух, ни жилист, ни коряв. На стройном теле имелся неплохой запас мышц. Не такой, конечно, как у квихельмов, но для обычного дворянина очень даже недурно. Однако от всей этой красоты у Эниры было слишком сладко во рту. На зеленоглазого определенно приятно смотреть, как на картину, но прикасаться к нему лира не хотела.

– У тебя очень красивый голос, – счастливо произнес сумасшедший незнакомец. – Я часто представлял, какой он. Пытался нарисовать в воображении твою улыбку...

«Это какой-то кошмар!» – округлив глаза, подумала про себя Энира, чувствуя перед этим мужчиной страх. Но далеко не страх смерти или членовредительства, а липкий, скользкий страх женщины перед мужчиной. Она не знала, кто он, на что способен, что творится в красивой голове. А вот страстные речи зеленоглазого мага недвусмысленно намекали на его намерения.

Мужчина полез рукой под рубашку. И тут же натянутые нервы лиры дали о себе знать.

– Фирмут!.. – выкрикнула она, ощутив резкую боль во лбу от активировавшегося меда-льона, и замолкла, увидев, что достал из-за пазухи ненормальный.

Это были наброски углем. Портреты. Ее портреты!

Образовавшийся вокруг щит и боль внутри черепа мешали рассмотреть внимательней.

– Тумриф.

Защита и неприятные ощущения исчезли.

Очень осторожно, словно раскладывая куски мяса перед диким зверем, мужчина разложил рисунки на полу.

Страх никуда не исчез, он даже слегка усилился, но интерес возобладал. Энира опасливо шагнула вперед, с любопытством разглядывая себя. С одного рисунка она смотрела прямо в душу, на другом изображен ее профиль, на третьем девушка сидела спиной, а ковер волос, словно живой, развевался на невидимом ветру. Таких портретов лира насчитала тридцать штук. Там она и улыбалась, и купалась в океане, и просто лежала на камнях, даже ее нагое тело запечатлел художник. И всё было настолько талантливо и живо, что Энира зарделась от восхищения, стыда и ужаса.

Лира попеременно смотрела то на рисунки, то на художника, пытаясь оценить степень опасности. Мужчина сидел в отдалении, на полу, со счастливой улыбкой наблюдая за Энирой.

– Чего ты хочешь от меня? – посчитав, что этот блаженный в принципе угрозы не несет, спросила девушка.

– Я хочу смотреть на тебя, – показав на лиру двумя руками, просто ответил он.

– Ты хоть понимаешь, насколько жутко это звучит, учитывая то, что мы даже незнакомы?

– Меня зовут Ганс, Энира, – словно спеша познакомиться, выпалил Ганс.

Брови девушки удивленно поползли вверх.

– Дамаск назвал твое имя, когда пытался успокоить Шаха.

– И кем же ты им приходишься?

– Другом. Я считаюсь одним из магов Триады, но моя роль там неоднозначна.

– Отчего же? – с интересом спросила Энира, уже наслышанная о знаменитой Триаде.

– Триада – это символ справедливости. Но в нашем мире справедливость является спутницей насилия, а я не приемлю насилия ни в каком виде, – пояснил Ганс, не отрывая взгляда от глаз Эниры. – Поэтому мое место по праву занимает Шах, а я лишь нужен для количественного состава магов.

После этих слов лира облегченно выдохнула. Тут, оказывается, святой человек перед ней сидел!

– Но ты же маг? – с утвердительной интонацией спросила Энира, наблюдая ауру Ганса, которая начала сверкать золотом, пряча под собой фиолетовую дымку.

Вместо ответа мужчина раскрыл ладонь, выпуская на волю крошечных разноцветных бабочек. Они воздушной спиралью полетели к лире, оставляя за собой серебристые дорожки блесток. К волшебству Энира не смогла отнестись равнодушно. Наблюдая за прекрасными созданиями, кружащимися вокруг нее, девушка восхищенно заулыбалась. Ганс тут же расцвел весенней розой.

– Так ты используешь магию? – заметив выражение лица мужчины, лира вмиг стала серьезней.

– Нет.

– Почему? – искренне удивилась Энира.

– Потому что мои друзья никогда не смогут понять меня, – грустно ответил Ганс, впервые отведя взгляд от лиры и с горечью посмотрев на рубиновый перстень. – Люди слишком порочны, чтобы идти путем созидания. Дамаск, Бирм, Пикс и Шах не являются исключением. Если бы они знали, что я способен колдовать, они превратили бы мою магию в оружие.

«Надо же, какой правильный», – про себя подумала Энира, глубокомысленно воззришись на мужчину. Она даже почувствовала к нему нечто очень похожее на уважение.

– Почему ты рассказал мне?

– Потому что ты поймешь меня, как никто в этом мире. Ты из Светлых, из расы Созидателей. Иллиры лечили, исцеляли, успокаивали боль, в конце концов, но никак не уничтожали живое. Я думал, что одинок в этом мире, но Оркус послал мне тебя...

Поняв, куда начал дуть ветер, Энира перебила зеленоглазого, ставя кочергу к камину:

– Мне, конечно, очень приятно внимание Оркуса к моей скромной персоне, и его личное вмешательство в устройство моей судьбы, но, боюсь, ты неправильно истолковал божественные знаки. Я чрезвычайно польщена, что столь безгрешный человек так сильно впечатлился мною. Однако не ты первый, – лира нарисовала пальцем перед своим носом круг. – К сожалению, это лицо многих вводит в заблуждение.

Сидя на полу в позе лотоса, Ганс продолжал улыбаться. Похоже, слова девушки не произвели на него должного эффекта. Недовольно сощурившись, Энира начала собирать с пола рисунки, где она была изображена голый.

– Портреты я не имею права забирать, они мне не принадлежат. А вот эти... – лира тряхнула тонкой стопкой листов с легкой эротикой. – Тебе никто не позволял рисовать это бесстыдство.

– Это прекрасно и естественно... – начал было Ганс, но Энира не дала ему закончить.

– Я это сожгу!

– Ты можешь делать с ними всё, что захочешь. Я могу нарисовать еще сотню таких.

– Не смей!

Ганс нахмурился. Кажется, он действительно не понимал, почему лира злится.

– Хорошо. Я не стану делать то, что тебя расстраивает, Энира.

– Спасибо, – недовольно поблагодарила она, складывая рисунки и кидая в магический огонь, забыв, что он ничего сжечь не может.

Не произнося ни слова, Ганс поднялся и подошел к камину. Энира инстинктивно отошла подальше. Маг поиграл пальцами в воздухе, и лежащие в холодном пламени листы начали гореть.

– Что ты ищешь в этой библиотеке? – вдруг спросил он, развернувшись к лире.

Несколько секунд подумав, стоит ли посвящать зеленоглазого в свои тайны, Энира всё же ответила:

– Ищу местонахождение Вейлира.

Выразительные брови Ганса хмуро сошлись на переносице.

– Это очень опасное место, Энира.

– Не может быть! – иронично удивилась лира, направившись к куче непрочитанных фолиантов, которую добросовестно подготовили для нее мальчишки. – И чем же оно так опасно?

– Там люди пропадают.

– Как и в любом другом месте, – задумчиво ответила Энира, одновременно читая про себя название книги очередного путешественника.

– Нет, ты не поняла. Вейлир – это место измененной реальности. Время там идет иначе.

А вот это уже заинтересовало девушку. Оторвавшись от книги, она перевела взгляд на озабоченного тревогой мага.

– Что ты имеешь в виду?

– Хозяева Вейлира – вейланы – дети ветра, они же духи нашего мира, стражи границы.

Они перемещаются не только в пространстве нашего времени. Их Леса – это место пересечения множества временных пространств. Мы – люди – не чувствуем там течение дня, ночи, месяца, года, столетий. Для нас час там будет равен месяцу здесь. Оттого, как правило, люди погибают там, теряясь в мировых потоках времени. Они могут прожить целую жизнь за один лишь год. Именно поэтому Ардал уничтожил любые записи о Вейлире в других государствах, оставив координаты лишь у себя в библиотеке, на Кристе.

Присев на подлокотник дивана, Энира смотрела на Ганса широко распахнутыми глазами, пытаясь осмыслить сказанное.

– То есть... мое здесь копание было бессмысленно?

Осознав собственный вопрос, лиру будто ледяным душем обдало. Заметив состояние девушки, маг поспешил ее успокоить:

– О нет-нет! Почему же? Маркеш Хаштабар был человеком большого ума и недюжинной любовью к накоплению любых знаний. Только здесь, возможно, мы сможем что-нибудь да найти, – Ганс ободряюще улыбнулся. – Я помогу тебе. Расскажи, что ты уже посмотрела. На каких стеллажах брала книги. И что тебе вообще известно о Вейлире.

Всё еще находясь в растерянности, Энира направилась к горе непрочитанных книг, начав монолог:

– Ту кучу я уже просмотрела. Ничего дельного там нет. Здесь же тома, которые рассказывают про путешествия по Эве. Их мне подбирали мои друзья. Вроде бы с тех полок, – лира показала пальцем на книжный шкаф в дальнем углу. – Парочку свитков я достала из того ящика. Табличка гласила, что в них говорится про экзотические места. А вот эту энциклопедию я вытащила из того шкафа...

Лира долго рассказывала, где, что и откуда она достала, тыкая пальцем в разные части большой библиотеки. Забравшись на лестницу, чтобы достать еще одну книгу с самой высокой полки, Энира продолжала трещать без умолку, не давая Гансу и слова вставить:

– Знаешь, что мне интересно. Вот ты сказал, что время в Вейлире идет иначе. И что люди оттуда не возвращаются, затерявшись в пространстве. Однако у меня есть один... знакомый, который побывал в Запретных Лесах. И, между прочим, он вернулся, еще и сувенир прихватил с собой. Значит, выбраться из Вейлира возможно. Интересно то, что он не очень-то и...

Раздался оглушающий грохот, от которого задрожал пол, а лестница под Энирой пошатнулась. В ужасе вцепившись в полку стеллажа, она удержалась сама и зафиксировала свою подпорку. Однако несколько книг всё же попадало с полок.

– Какого Кардаша!? – ошущая, как сердце долбится о ребра, Энира посмотрела вниз.

Ганс стоял возле окна на полусогнутых ногах, а возле двери в странной позе замер Дамаск, продавливая кулаками пол. Позади него сидели на корточках Юхан и Киф. Поняв,

кто чуть не довел ее до разрыва сердца и устроил землетрясение, лира разозлилась. Быстро спустившись, она возмущенно набросилась на Дамаска:

– Что на тебя нашло?! Я чуть с лестницы не навернулась, а Ганса едва книгами не пришибло!

– Кто здесь был кроме вас? – не обращая внимания на вопли лиры, по-военному строго спросил султан.

– Кроме нас здесь только пыль!.. – начала было Энира, но, заметив, как Дамаск начал дирижировать в воздухе, замолчала и перешла на магическое зрение.

Эфемерные нити воздуха послушно сплетались в узлы, следуя приказам рук султана. Собрав еще пару энергетических потоков, ползающих по полу, Дамаск напитал всю созданную конструкцию переливающейся бордовой Силой, после чего выпустил ее в пространство. Энира зачарованно смотрела, как невиданный ранее магический шедевр летит в центр помещения, а затем взрывается миллионами искр, пронизывая каждую энергетическую ниточку, а затем возвращается обратно к голубоглазому магу. Обычные люди не видели ровным счетом ничего, но мурашки размером с рисовые зерна забегали у всех.

Этот магический обряд был похож на «ищейку», определяющую недавно совершенную магию. Живя с братом и отцом – магами, Энира научилась определять колдовские обряды, ведь обычно они все выглядели одинаково, за счет стандартного магического алфавита. Но здесь лира не видела ни одного знакомого символа, лишь отдаленно напоминающий конечный эффект. А мощь отката, волной захлестнувшая девушку, поразила до глубины души. До этого момента она считала, что самый сильный маг людей – Айдан III, однако теперь его первенство можно было попробовать оспорить.

– Кто здесь был, Ганс? – строго потребовал ответа Дамаск.

Зеленоглазый лишь развел руками и отрицательно помотал головой.

– Здесь магия, Ганс. Наемника фостэйнского короля, – очень многозначительно произнес султан, взглядом сверля своего друга. – Что здесь произошло?

Очевидно, что-то поняв, Ганс хлопнул себя по лбу ладонью, после чего на языке жестов начал объясняться с Дамаском. Энира изумленно открыла рот. Он же буквально четверть часа назад прекрасно с ней изъяснялся приятным баритоном.

Досмотрев «рассказ» зеленоглазого мага, султан повернулся к лире и по-хамски вытащил у нее из-под рубашки медальон. С минуту потрясенно рассматривая золотой кругляш с головой барса, султан перевел взгляд на Эниру и взволнованно спросил:

– Откуда это у тебя?

– Это подарок моего друга, – слегка напуганная подобной реакцией, неуверенно ответила девушка.

– Как зовут твоего друга? – нетерпеливо спросил Дамаск, дернув медальон.

– Его звали Тэйп. Он погиб...

Тяжелые слова. Они до сих пор отдавались болью в сердце Эниры.

– Погиб? – ошарашенно спросил султан, озадаченно глянув на Ганса, лицо которого тоже приобрело выражение недоумения. – Как погиб?

Вытаскивая из ладони султана золотой кругляшек, лира спрятала его под рубашку.

– Мне бы не хотелось вспоминать ту историю, Дамаск, – мрачно произнесла Энира.

– Ты просто не понимаешь, Эни. Тот человек не мог погибнуть! Его не взяло ни одно мое колдовство, даже самое мощное. Он...

– Зато фархарское взяло, – отметая любые вопросы, оборвала Энира, не собираясь вдаваться в подробности смерти Хардрага.

Конечно, не фархары убили Тэйпа, он сам активировал какой-то артефакт, уничтоживший не только Темных, но и самого квихельма. Однако легче от этого не становилось.

Кажется, Дамаск был поражен до глубины души. Он потрепал себя по волосам, походил кругами, замирал в раздумьях, после чего вновь обратился к Энире:

– Скажи, Эни, этот Тэйп... он состоял на службе у Айдана III?

– Зачем ты спрашиваешь? – всё больше набирая в грудь воздуха, пытаюсь унять болевые спазмы в сердце при упоминании имени Подмастерья, спросила лира.

– Мне кажется, мы всё-таки говорим про разных людей.

– Нет, Дамаск, мы говорим об одном и том же человеке... – слезы обожгли веки, и Энира опустила голову, прижав пальцы к глазам.

Потребовалось время, прежде чем она снова смогла говорить:

– Тэйпу пришлось выполнять поручения короля Фостэйна, но он ему не служил. Его никто бы не смог победить, если бы он сам не позволил. А Тэйп позволил, чтобы спасти меня, Кифа и Юхана.

Дамаск вновь обменялся с Гансом недоверчивыми взглядами.

– И он отдал тебе свой медальон?

– Отдал.

– Ты можешь дать мне его на время? Я бы хотел изучить его. Дело в том, что магия, заключенная в нем, отличается от...

– Я знаю, – в который раз за сегодня самым неподобающим образом перебила Энира султана.

Но ей было всё равно, он заставил ее вытащить на поверхность то, что она так долго прятала в глубине своей души.

– Но я ничем не могу тебе помочь. Медальон не снимается с шеи, а шнурок не перерезается. Я пробовала.

Энира пошла прочь от Дамаска, сядя перед кучей непрочитанных книг, всем видом показывая, что на продолжение беседы она не настроена.

– Не злись, Эни, – не став настаивать, примирительно произнес султан. – Я должен был выяснить, откуда в моем дворце эта опасная магия.

– Я понимаю, – отрешенно отозвалась девушка, листая потрепанный фолиант.

– Ганс, ты сделал то, о чем я тебя просил? – переключился Дамаск на зеленоглазого мага. Что «ответил» ее новый знакомый, лира не видела, но звук шагов в сторону двери услышала.

– Ганс, – позвала она мужчину, обернувшись.

Зеленоглазый застыл на месте, напряженно смотря на девушку. Слегка погипнотизировав Ганса, Энира медленно провела ладонью от подбородка до ключиц. В ответ он нахмурился и отрицательно покачал головой.

– Хорошо, – безынтересно буркнула лира, повернувшись ко всем спиной.

Очевидно, Ганс притворяется еще и немым. Зачем? Эниру это сейчас не волновало. А спросить она всегда успеет.

– Эни, – вновь раздался голос Дамаска. – Могу я попросить тебя об одолжении?

– О каком? – не оборачиваясь, спросила девушка.

– Это сущий пустяк. Мне нужно будет, чтобы ты посмотрела на одного человека.

– И всё?

– Да.

– Хорошо, Дамаск.

Дверь закрылась. Как только шаги двух магов в коридоре затихли, Энира сквозь зубы процедила:

– Куда. Вы. Провалились?

– У нас две новости! – жизнерадостно протянул Юхан, запрыгивая на диван. – Первая, мы нашли Палет.

Старые душевные раны еще болезненно ныли, так что лира не смогла испытать радости, но всё же обернулась, с интересом посмотрев на мальчишек.

– Жуткая старуха, я тебе скажу. Бр-р-р! – поежился Фалемот. – Спросили мы ее про Запретные Леса, а она сказала, что нам нужно зеркало.

– Зеркало? – переспросила Энира, глянув на поникшего в кресле Кифа, который устало пожал плечами и молча развел руками, показывая тем самым, что понял он ненамного больше.

– Ага, – словно истукан, довольно кивнул Юхан.

– А можно чуть больше подробностей? – начала злиться лира.

– Их нет, Эни, – скалясь во все свои тридцать два зуба, хохотнул Фалемот. – Старуха сказала: «На пороге в Лес вы зеркало поставьте, увидите себя в плывущем воздухе, значит, дверь нашли».

Целую минуту Энира никак не могла прийти в себя от осознания того, что главная ее надежда рухнула. Знаменитая савира увидела какую-то ерунду, и кроме этой ерунды у них нет больше никакой информации.

– Ар-р-р-р-р! – в бессильной злобе зарычала лира, упав спиной на пол и вцепившись себе в волосы. – Оркус всемогущий! Что это за чушь?! За что мне всё это? Что я делаю не так? Чего ты радуешься, Фалемот?

– А чего мне не радоваться? Старуху мы нашли? Нашли. Значит, не надо будет лазить по сырым лесам да болотам. Это как раз и есть вторая новость.

Эти беззаботные слова друга взбесили Эниру еще больше. Вскочив с пола, она указала дрожащим пальцем на кучу книг.

– А ну поднимайтесь быстро и начинайте читать, – прошипела лира.

– Эни! – начал было возмущаться Юхан.

– Быстро!

Глава 8

Глас совести

Восточный султанат

Эссор, столица

3038 г.

Звук капающей воды в подземелье медленно сводил с ума. Риккарда даже оторвала маленькие кусочки ткани от тюфяка и засунула их в уши. Стало получше. Но чувство раздражения никуда не делось. Во-первых, Рикке постоянно приходилось сидеть в темноте, словно мокрице. Это очень угнетало девушку, любившую свет и тепло Илара. Во-вторых, просто собачий холод пронизывал до костей. Очень легкий костюм, который не грел, а, наоборот, морозил еще сильнее из-за атласной ткани, тоже энтузиазма не прибавлял. В-третьих, кошмарная еда, точнее, помои, которые, по неведомым для Риккарды причинам, кто-то назвал едой. В-четвертых, вечно ползающие по камере гады, от тараканов до крыс. И в-пятых, страшная вонь, исходившая отовсюду, и от Рикки в том числе. Целый месяц она не мылась. Ей хотелось содрать с себя кожу, а волосы вырвать с корнями, лишь бы меньше ощущать грязь на своем теле.

Риккарда была переполнена ненавистью. На Ветра, отца, стражников и, конечно, голубо-глазого мага. Красивый, сильный, властный, суровый и такой далекий. Султан Эссора притягивал Риккарду. И если бы они встретились при других обстоятельствах, то отношения их сложились бы совершенно иначе. Однако сейчас он для нее являлся олицетворением зла и всех несчастий. Риккарде доставляло удовольствие хотя бы таким незамысловатым образом издеваться над магом, играя на его мужской сути. Она знала, что он не переступит черту, ему было слишком противно. Но осознание собственной женской власти над этим всемогущим мужчиной льстило Риккарде и тешило ее самолюбие. Однако влечение, притягивающее ее к Дамаску, нисколько не помешало бы ей перерезать ему горло при первой же возможности.

Сидя на полу, облокотившись о стену, и разглядывая ржавый гвоздь в своих руках, который она целый день выковыривала из гнилой кровати, Рикка пыталась сообразить, как лучше его можно применить. Может, всадить в стражника и попытаться выбраться, хотя вероятность провала приближалась к абсолютным значениям? Больше, конечно, ей хотелось воткнуть железку в виновника всех ее страданий. Возможно, Риккарде и было бы жаль загубить столь прекрасный экземпляр мужчины, но, с другой стороны, ему же ее не жаль.

Послышались шаги. Рикка зажала гвоздь в ладони и встала на ноги. Темноту рассеял теплый свет факела. Сердце предвкушающе забилося в надежде увидеть султана. Однако это был не он. К решетке подошел совсем другой незнакомый мужчина. Красивый, словно бог. Риккарда даже растерялась. Мужчина отпер дверь и вошел внутрь, закрывая ее на ключ. Он был бледен, а ноздри его напряженно дрожали от отвратительного запаха.

Полуночный гость подошел ближе, и Риккарда разглядела светлые глаза – маг. Он не выказывал никаких эмоций, словно ее здесь не было вовсе. Такой красоты Рикка в своей жизни и не видела, так что даже слова вымолвить не могла. Она лишь впивалась в идеальное лицо взглядом. Маг настолько очаровал девушку, что она не заметила, как он потянулся к ее волосам, держа ножницы.

Последовавший каскад событий Риккарда уже не контролировала. У нее что-то хотели отрезать, и это инстинктивно привело ее в боевой режим. Оттолкнув руку мага, она всадила в него зажатый в кулаке ржавый гвоздь. Непонимающе схватившись за шею, мужчина нащупал инородное тело. Он стал бледнеть сильнее, а ноги его подкосились. Как только маг безмолвно свалился на пол, Рикка тут же начала ощупывать его тело дрожащими руками в поисках чего-нибудь полезного. К сожалению, кроме ножниц, валяющихся рядом, и ключей от ее темницы,

ничего больше не нашлось. Схватив добро, она побежала к решетке. С трудом отперев замок, так как руки нещадно тряслись, а ключи норовили то и дело выпасть, Рикка осторожно вышла, оглядываясь по сторонам и одновременно с этим закрывая проклятую клетку.

Темень – хоть глаз выколи! Но Риккарда упрямо шла по узкому коридору, пока не добралась до вахты. Свет мягко струился из помещения, освещая ступеньки. Мужские голоса, навскидку двух-трех человек, о чем-то болтали на эссорском языке.

Не понимая, что делать, Рикка сжала ножницы. Уж лучше смерть, чем возвращаться в эту вонючую дыру. К тому же смерть ей уже обеспечена. Кажется, она убила мага. Возможно, даже мага Триады. Ее за это не просто убьют, линчуют. Так что назад дороги нет.

Крадучись, она выглянула из-за угла, пытаясь оценить обстановку. В квадратном камине уютно потрескивал огонь. Возле него стоял большой круглый стол, где сидело пятеро карберов, играющих в карты. Если бы там горело меньше факелов, дотягивающихся своим мягким светом до каждого угла вахты, то еще можно было бы попробовать осторожно просочиться по теням. Но и этой возможности Риккарду лишили.

Не видя другого выхода, дочь Атонаха собралась с духом, подобрала юбку и бросилась к выходу из тюрьмы, пробегая мимо карберов. Стражники настолько опешили, что даже не сразу ринулись в погоню. Когда они опомнились, Рикка уже взлетела вверх по лестнице и врезалась в запертую дверь. Отчаянно прыгая на нее, в попытке выбить всем своим небольшим весом, она в ужасе поняла, что попала в ловушку.

Первый добравшийся до Риккарды карбер ударил ее в живот и скрутил, беспощадно выкручивая руки с зажатými в них ножницами. Крича, айкая и брыкаясь, девушка пыталась вырваться, пока ее не утихомирил второй удар в живот.

Матерясь, стражники притащили ее обратно в камеру, кинув на кровать так, что из легких Рикки вылетел последний воздух.

– Райгаш!.. – с ужасом выдохнул один из карберов, заметив труп.

Рикка знала, что на эссорском это значит «господин». Один из стражников завопил приказы. Двое тут же выбежали из камеры, еще двое осторожно подняли мага, а пятый подошел к Рикке и с гримасой отвращения и ненависти вцепился ей в горло.

– Султан разорвет тебя на куски, как паршивую собаку, ведьма, – хриплым от ярости голосом произнес карбер на общепризнанном геллийском языке, после чего смачно плюнул Рикке в лицо, оттолкнув так, что девушка сильно ударилась затылком о стену.

Она долго лежала без движения. Страх сковал все ее конечности. Испытывала ли она сожаление, что убила мага? Нет. Ей уже приходилось однажды убить человека в целях самозащиты. Боялась ли Рикка возмездия Оркуса за эти тяжкие грехи? Нет. Не сказать, что она была атеисткой, но и глубоко верующей ее не назовешь. Отчего парализовало всё тело? От ужаса перед султаном.

Очень долго ничего не происходило. Никаких звуков, кроме сводящих с ума падающих с потолка капель. Несколько часов Риккарда просидела в ожидании момента «истины».

Словно взрыв, тишину пробили быстро приближающиеся шаги тяжелых сапог. Рикка вскочила с кровати, задрожав всем телом. В сопровождении двух магических летающих шаров в поле зрения влетел мужчина. Это был он. Ее смерть. Султан Дамаск!

За считанные секунды открыв дверь, он даже не стал ее закрывать, быстро пересекая камеру. Испытывая невероятный ужас, Рикка в страхе попятилась назад к стене. Но она не успела до нее дойти.

Дамаск одной рукой схватил ее за горло и со всей силы впечатал в холодный камень стены. Из глаз посыпались искры, а воздух перестал поступать в легкие. Пытаясь ослабить хватку султана, Рикка вцепилась в его запястье. Но она словно боролась с железным брусом.

– Ты поняла, что натворила, тварь!?! – в бешенстве заорал Дамаск. – Ты покусилась на жизнь мага Триады! Если бы ты убила моего брата...

– Я не знала, что он твой брат... – просипела Риккарда, теряя связь с реальностью. Султан разжал пальцы. Не чувствуя своей шеи, Рикка рухнула на пол, жадно глотая воздух.

– Неужели ты такая дура и действительно надеялась сбежать? – сев перед девушкой на корточки и грубо повернув на себя ее голову, спросил он.

Риккарда вдруг поняла, что убивать он ее не собирается, иначе бы сделал это, как пришел. Испытав облегчение и жгучую злость за подобное обращение, Рикка ответила:

– Да! Надеялась! Я мечтаю выбраться из твоего паршивого дворца, подальше от Оркусом забытого Эссора, чтобы забыть всё это как страшный сон, чтобы не помнить твоего лица, голоса и всего тебя!

Она выкрикивала это от души, со слезами боли и злости на глазах. Султан нахмурился. От долгого ожидания кары и последующего помилования струны нервов девушки лопнули в ослепляющее безумие. Увидев выражение лица Дамаска, Риккарда истерически расхохоталась.

В бешенстве султан зажал ее лицо двумя пальцами, до боли стиснув щеки. Испытывая ярость не меньшую, чем он, Рикка со всей силы ударила его по запястью, падая вперед и упираясь руками о его колени.

– Или, быть может, я таким образом привлекала твое внимание? – в сантиметре от лица мужчины зло произнесла она. – После той ночи ты совсем забыл обо мне, мой прекрасный султан. А тут смотри, сколько внимания мне уделяешь, после моей выходки...

Не дослушав, Дамаск впился губами в губы Рикки, грубо прижав девушку к себе и повалив на пол. Его руки хаотично заметались по ее телу, не зная, за что больше ему хочется схватиться. Продолжая яростно терзать рот девушки, он до боли сжимал полную грудь, резко перекакивая на бедра и ягодицы, а после вновь по кругу. Когда Дамаск стянул вниз короткую кофтенку, обнажив мягкую желанную плоть, и начал задираť длинную юбку, Рикка в ужасе поняла, что он и вправду собирается ею овладеть. Да, она дразнила его, но, по ее мнению, этот напыщенный перст просто не мог снизойти до нее в таком виде! Она не хотела! Не так!

Не задумываясь, Риккарда со всей силы сжала зубы, прокусывая губу султана. Чужая соленая кровь хлынула в рот. Дамаск тут же больно надавил на щеки, и Рикка отпустила его.

«Доигралась, Рикка, молодец!», – про себя подумала девушка, трепеща всем телом.

Мужчина вскочил и не верящим взглядом посмотрел на вытертую кровь с губы. Воспользовавшись моментом, Риккарда тоже поднялась на дрожащих ногах, прижавшись к стене, и спешно натянула кофту на грудь.

– Ты бешеная!.. – начал было Дамаск, продолжая вытирать льющуюся кровь с губы, но Рикка не дала ему договорить, заранее зная, что ничего приятного она сейчас не услышит.

– Прости, мой султан, это вышло случайно! Страсть одолела меня! – умирая от страха, выдавила она из себя, изломав губы в неестественную восковую ухмылку.

У султана чуть пар из ушей не повалил от ярости. Он вновь подскочил к девушке, в который раз хватая ее за горло, так что ухмылка вмиг слетела. Его лицо исказилось от неконтролируемого бешенства.

– Что за игры, рыжая? – опасным тоном спросил он. – Я ведь тоже могу с тобой поиграть. Отдам тебя карберам, да и дело с концом. Парни позабавятся, а ты быстро присмиреешь.

От подобной участи кровь в венах застыла. Чувствуя, что сейчас может плюхнуться в обморок, Рикка заставила себя разозлиться. Да так неистово, что глаза заслезились.

– А ты отдай, – с гримасой ненависти негромко протянула дочь Атонаха. – Тебя мне всё равно не хватит. А столько крепких мужских рук... поверь, это принесет мне истинное удовольствие.

Пальцы на шее Рикки сжались сильнее, но быстро разжались, переместившись на щеку и грубо оттолкнув ее вбок. Хоть султан и не позволил себе ударить, однако это почему-то взбесило девушку не меньше пощечины.

Он уже подходил к выходу, когда Риккарда кинула ему в спину:

– У тебя нет чести, Белый!

Дамаск обернулся.

– Что ты сказала?

Страх был настолько сильным, что кровь от лица девушки отхлынула, однако неведомые демоны заставляли ее открывать рот и произносить всё больше и больше опасных для жизни слов.

– Атонах мой отец, это правда! Но моя мать – Роза. Где бы ты был, если бы не она? Роза приютила тебя и твоих друзей, когда вы нуждались в этом больше всего. Она дала вам еду, кров и убежище, несмотря на смертельную для себя опасность. И чем ты ей отплатил?

– Замолчи, – негромко попытался султан остановить поток слов.

– Подлостью! – осмелев, крикнула Риккарда, почувствовав смятение султана. – Ты украл ее единственную и любимую дочь. Она страдает, а Атонаху плевать! Ты считаешь, что у нас прекрасные отношения? Что я зову его папочкой, а он каждое утро целует меня в лоб? Тогда ты еще больший дурак, чем я! Он исчез год назад. И чхать он хотел на меня и на маму. Считаешь, что мстишь Атонаху? Тогда спешу тебя огорчить. Он знает, что меня похитили, и знает, кто именно это сделал. Атонах не страдает, он смеется над твоими жалкими потугами! Атонах – король Дна! Ему неведомо чувство любви и привязанности. А ты жалок, Белый. Жалок и бесчестен, потому что приносишь страдания женщине, которая когда-то отнеслась к тебе с добром. И мучаешь меня, вообще неповинную во всей этой истории.

Произнеся смертельно опасные речи, Рикка громко выдохнула и гордо расправила плечи, ожидая последующих действий султана. Но он лишь молча развернулся и вышел, заперев за собой камеру.

Когда шаги затихли, Риккарда осознала, что не дышит. Первый вдох был прерывист и вызвал тихую истерику. Девушка безмолвно рыдала, плюхнувшись на пол. Она баюкала свою жалость к себе и ненависть ко всем в этом султанате. Но до конца упиться горем ей не дали.

Дверь в камеру вновь открыли, и следом вошли два карбера. Риккарда вскочила, заледенев, но отнюдь не от холода. Неужели султан всё-таки решил исполнить угрозу и отдать ее стражникам? С двумя мужчинами ей не справиться, но просто так она не сдастся.

– Пошли прочь! Не приближайтесь ко мне, псы! – завизжала Рикка, начав размахивать руками и ногами.

Один из карберов любезным взмахом руки указал на девушку.

– Держи ее, Шор. Приказ султана необходимо исполнить, – на геллийском произнес он.

Тот, которого звали Шором, тяжело вздохнул, пробормотав что-то на эссорском. «Шкаф» два на два метра двинулся на Риккарду. Маленькие черные глазки утонули в густых нахмуренных бровях карбера, а длинные усы скрыли выражение его губ. Так что Рикка никак не могла определить, с какими эмоциями подходит к ней мужчина, и можно ли вообще с ним как-то договориться.

– Не трогай меня! Убирайтесь вон! – орала как потерпевшая дочь Атонаха.

Она попыталась убежать, но Шор без труда ее перехватил и, подняв над полом, прижал к себе спиной. Риккарда начала неистово пинать ногами всё, до чего могла дотянуться. Шор мужественно терпел, пока второй карбер быстрыми движениями щелкал ножницами и отрезал прядь волос.

И тут до Рикки дошло, что никто насиловать ее не собирается. Как только дело было сделано, карбер с силой отшвырнул девушку от себя.

– Каршер пруга! – сказал, словно плюнул, Шор на эссорском.

Обычно Риккарда издевательски комментировала всё, что происходило в ее камере, ведь гости – крайне редкое событие в ее «апартаментах». Сейчас же она молча забилась в угол и

наблюдала за действиями карберов. Мужчины дружно подошли к ее гнилой кровати, скинули рваный тюфяк и унесли единственный предмет мебели.

– Ты и тюфяка не заслуживаешь, ведьма, – напоследок с отвращением на лице произнес карбер, пока запирает дверь. – Надеюсь, ты скоро помрешь здесь.

Впервые в жизни Рикка ничего не ответила. Дождавшись, когда стражник уйдет, она поднялась на ноги и, подойдя к своей тонкой подстилке, бессильно рухнула.

– Скоты... – горько заплакав, тихо прошептала рыжая, отворачиваясь к стене.

Два дня ничего примечательного не происходило. Не считая стражников, сделавших жизнь Рикки еще хуже, мстя за покушение на мага Триады. Еда, которая и так была гаже некуда, стала просто несъедобной, плюс ее приносили ледяной. Так что Риккарда и правда начала думать, что скоро протянет здесь ноги.

– Оркус всемогущий! Какая вонища! – как гром среди ясного неба, раздался женский голос где-то в начале коридора. – Я прошу прощения...

Хлопнула дверь. Рикка пришла к выводу, что неизвестная девушка выбежала из подвала. Заинтригованная, она села на тюфяке, с надеждой ожидая, когда гостя пройдет мимо ее камеры.

Дверь вновь скрипнула.

– У-фуф... аж дурно... – уже более смиренно отфыркнулся всё тот же голосок.

Прошелестел легкий нервный смешок, после которого девушка насмешливо добавила:

– У вас тут пытка прямо с порога начинается.

– А как ты хотела? Это же тюрьма. Так везде, – ответил знакомый баритон султана, так что сердце Рикки взволнованно перевернулось.

Вскочив на ноги, она быстро отряхнула юбку и постаралась прибрать свои грязные рыжие волосы.

– Я была в тюрьмах. Но такую вонь встречаю впервые. Сколько человек здесь сидит?

Дамаск негромко посмеялся.

– Девять.

– Девять? Девять? – удивленно переспросила девушка. – Ты уверен, что не ошибся на пару десятков?

Он прошел мимо камеры, даже не глянув. Рикка увидела улыбку на его губах. Ее задело, во-первых, то, что султан даже головы не повернул в ее сторону, во-вторых, что улыбался, а она этого еще ни разу не видела, и, в-третьих, вел какую-то пигалицу. Испытывая нечто очень похожее на ревность, Риккарда подбежала к решетке.

– Куда же ты, милый султан? Разве ты забыл, где находится моя камера? Ты кого-то привел? Это что, девушка? Мне уже стоит ревновать, любовь моя? – плохо соображая, что несет, Рикка всеми силами пыталась привлечь к себе внимание.

Маленькая фигурка, закутанная в голубой плащ, остановилась напротив нее. Тонкие ручки стянули капюшон, и Рикка охнула.

– Карда-аш... – протянула она, отшатнувшись от решетки, а после вновь к ней жадно приникла, желая оказаться поближе к этому чуду.

Забыв о Дамаске напрочь, она изумленно разглядывала лицо прекрасного создания. На нее смотрели внимательные, умные глаза необыкновенного изумрудно-сапфирового цвета. И это была девушка! С такими глазами! Однако не только это заставило Рикку открыть рот. Волосы девушки отливали светлым золотом, переливаясь белыми бликами от парящего рядом жемчужного светового пульсара. Риккарда никогда особо никому не завидовала, но сие чувство всё же присутствовало в ее жизни. Эта девушка обладала поистине волшебной красотой, словно неведомое сказочное дитя. И, казалось бы, чисто по-женски, Рикка должна бы

была изойти завистливым ядом. Но она лишь восхищенно любовалась, даже не подозревая, что подобные люди существуют на Эве.

Кто она? Сестра Дамаска? Ведь он тоже необычный в своей внешности.

Девушка же, в свою очередь, тоже с интересом разглядывала Риккарду. Без отвращения и безразличия, но с непониманием и сочувствием.

– Идем, Эни, – спешно обнимая девушку за плечи, султан увел ее от камеры Рикки, метнув грозный взгляд на пленницу. – Не на нее тебе нужно смотреть.

Риккарда замороженно провожала взглядом тюремную гостью. Прежде чем завернуть за угол, Эни обернулась на заключенную.

– Кто это, Дамаск? – шепотом спросила девушка, но Рикка ее услышала.

– Не забивай голову, Эни, – безразлично ответил султан, а затем более живо добавил: – Мы пришли. Посмотри на него и скажи мне, это квихельм?

Подбежав к самому краю своей опостылевшей клетки, Рикка пыталась заглянуть за угол, где находилась еще одна камера. Не так давно туда притащили очень высокого, мощного бугая. С виду очень суровый парень. Рикка тогда удивилась длине его волос, хвост спускался ниже пояса. Даже ей такой вырастить не удавалось. Однако дочь Атонаха больше поразило другое. Закованного в кандалы мужчину вели четверо карберов, но со стороны казалось, что это он их куда-то ведет.

«Неужели там и правда квихельм?.. А, Кардаш! Не видно ничего!», – злилась про себя Рикка, пытаясь слиться со стеной в единое целое.

– А с чего ты взял, что я знаю, как должен выглядеть квихельм? – послышался слегка обиженный голос девушки.

– Наверное, с того, что твои лучшие друзья – квихельмы.

– Неправда!.. – на одном выдохе раздалось очень театральное возмущение.

– Эни, это никак не повлияет на мое отношение к тебе, – настолько мягко произнес султан, что Рикка до побеления пальцев сжала металлические прутья, такого тона она от него ни разу не слышала. – В конце концов, я помогаю тебе, так помоги же и ты мне. Прошу.

– Хорошо. Да, это квихельм.

– Ты его знаешь?

– Нет.

– Почему?

– Их тысячи. По-твоему, я должна знать каждого?

– Поговори с ним.

– О чем я должна с ним разговаривать? – в голосе девушки скользнули нотки недовольства, значит, всё-таки в этом дивном создании больше человеческого, чем думалось Рикке.

– Спроси, что ему нужно, и знает ли о его нахождении здесь Мастер Кутред.

– Ты знаешь Мастера Кутреда!? – радостно зазвенел девичий голос.

– Чуть позже, Эни, я всё тебе расскажу, – терпеливо пообещал Дамаск, заботливо добавив: – Не стоит тебе здесь долго задерживаться. Не хочу, чтоб ты дышала этим воздухом.

– Да, я тоже не хочу... – быстро спохватилась девушка, после чего затараторила на непонятном языке: – Эй, пур хазэромежон?

Раздался лязг цепей, а вслед ему – шаркающие шаги.

– Харса буд лигша, лира Энира...

В дальнейшую витиеватую речь Риккарда даже не вслушивалась. Она никогда в жизни не слышала ничего более странного. А самое необыкновенное – то, что обычно в разных языках встречались похожие друг на друга слова, и если не по смыслу, то по звучанию – точно. Здесь же был какой-то выдуманный язык, и Рикка искренне удивлялась, как они понимают друг друга.

Разговор длился довольно долго. Рикке даже надоело их слушать. Однако, как только Энира перешла на керабский, Риккарда вновь наострила уши.

– Ты должен отпустить его, Дамаск, – серьезно произнесла девушка. – Шаха бы никто не убил. Квихельм искал меня по приказу Мастера Освина.

– Мастер Кутред знает о его присутствии здесь? – повторил вопрос султан.

– Нет. Ты отпустишь его, Дамаск?

– Нет, Эни. Об этом не может идти речи, – властно отрубил правитель Эссора.

Секундная тишина напряженно зависла в воздухе, после чего девушка беззаботно сказала:

– Ну нет так нет. Настаивать не буду. Только можно еще один вопрос?

– Да, спрашивай, конечно.

Приближающиеся к камере Рикки шаги говорили о том, что Дамаск и Энира возвращаются. Пленница спешно отбежала ближе к крохотному оконцу под самым потолком.

– Что ты с ним сделаешь?

Проходя мимо камеры, девушка бросила очередной изучающий взгляд на Риккарду. Султан же даже ухом не повел, смотря исключительно вперед себя.

– Пока не решил. Возможно, мне придется его казнить.

– Но это же была инсценировка!

– Покушение видело много людей. А к сожалению, наше положение слишком ко многому обязывает. В том числе наказывать покусившихся на султанскую семью.

– Мой тебе добрый совет, Дамаск. Не делай этого, – послышался отдаленный голос светлоглазой девушки в конце коридора. – Квихельмы будут мстить тебе. Их месть страшна.

– Я знаю, Эни... Но они сами вынудили меня. Мне не хочется сталкиваться с Братством лбом, но если нет другого выхода, то придется.

– Нет, есть! В Фостэйне, чтобы обмануть Ардал, Айдан...

Продолжение разговора Риккарда не услышала. Султан со своей волшебной спутницей покинули подземелье.

«Вот и еще один день прошел...» – равнодушно подумала Рикка, сидя на своем холодном тюфяке и глядя в крохотное окошко. Сегодня даже свет Чары не пробивался через него. Видать, облака укутали ее своими пушистыми спинами.

Прошла ровно седмица с того дня, когда тюрьму посещал султан и Энира. Имя, глаза да вообще весь образ необычной девушки не выходили из головы Риккарды. У нее было такое ощущение, что ее коснулась сказка, словно безграничный свет на миг погрузил в свою кристальную чистоту. Даже всепоглощающая ненависть стала незаметно сходить на нет, уступая место безразличию.

Хлопок дверью. Шаги.

«Кого там еще принесло?», – прокатилась по сознанию ленивая мысль.

Сначала появился свет огня факела. Значит, карберы. Однако Рикка ошиблась. К решетке подошла маленькая фигурка.

– Кашом бор, ахтэр бурис тэр, – указав пальцем, уточняюще произнес уже знакомый девичий голос.

За спиной девушки прошли две здоровенные тени. Поразглядывая Риккарду, Энира двинулась за мужчинами. Они вели себя по-хозяйски спокойно и непринужденно. Никто никуда не спешил.

Звон ключей, словно набат святой сакры, разлетелся по всей тюрьме. Следом раздался скрип открываемой решетки, негромкие голоса на странном языке, лязг цепей, упавших на пол, а затем вновь приближающиеся шаги.

«Оркус! Да они ж квихельма освободили! Что же ей за это будет? Хотя, скорее всего, она знает, что Белый ее не тронет... А остальных соучастников?», – пронеслись торопливые мысли в голове Рикки, наблюдавшей за маленькой процессией возле ее камеры.

– Киф, эштэр, – негромко потребовала Энира, протягивая ладошку к одному из мужчин, остановившись около решетки Риккарды.

– Эни, – многозначительно произнес низкий голос.

– Эштэр, Киф! – более властно надавила девушка.

Громко выпустив воздух, квихельм отдал ей связку ключей. Мужчина долго смотрел в глаза Эниры, пока у той не лопнуло терпение.

– Ой, Киф... Иш ур. Адабэр ку хляд ор ман.

Квихельм что-то предостерегающе заговорил на своем тарабарском языке, но Эни дослушивать его не захотела, оборвав на полуслове (ну или на полуфразе):

– Иш, Киф, – цокнула она языком, но мужчина не сдвинулся с места. Девушка похлопала его по плечу: – Иш, иш...

Только после этого недовольно сопящий квихельм ушел. Проследив за тем, чтоб они остались в относительном одиночестве, Энира уселась на полу, в несколько слоев сложив подол длинного плаща, чтобы не было холодно. Рикка сделала то же самое, притащив тюфяк и расположившись напротив девушки.

– Как твое имя? – поинтересовалась Эни на керабском.

– Рикка, – слегка заторможено ответила пленница, зачарованно разглядывая поразительное воображение лица.

– Почему ты здесь?

На мгновение Риккарда задумалась, с какой целью она это спрашивает и может ли ей помочь? Если да, то нужно рассказать свою историю в более печальных тонах. Она уже было открыла рот, но резко закрыла.

«А что, если ее Белый подослал?», – подумала она про себя, но быстро отмахнулась от этой идеи.

– Я расплачиваюсь за грехи отца, – решив не мудрствовать, просто ответила Рикка.

Ни один мускул на красивом лице Эниры не дрогнул.

– Расскажи.

Чувствуя невероятное расположение к этой девушке, Рикка решила ей всё рассказать, к тому же более занимательных развлечений в ближайшее время не предвиделось.

– Да в общем-то рассказывать особо и нечего. Моего отца зовут Атонах. Он долгое время являлся предводителем преступных Гильдий в Керибюсе. Дамаск и вся его «правлящая семья» в детстве находились под его покровительством. Вся Триада – это маги, которых отец воспитывал, чтобы в дальнейшем они работали на него. Все звали их «золотые дети» Атонаха. Он и правда относился к ним, как к родным сыновьям. Ты спросишь, почему тогда Дамаск окрысился на него? Потому что отец не гнушался методами заполучения таких детей. Как правило, он убивал родителей и забирал мальчиков себе еще во младенчестве, создавая для них легенду об их сиротстве.

Дамаск узнал об этом и сбежал. Как я теперь понимаю, затаив смертельную обиду на отца, пообещав отомстить.

– Но ты же ни в чем не виновата, – наивно возмутилась Энира.

Рикка по-доброму улыбнулась.

– Отец забрал у него самое дорогое – его семью. Теперь Дамаск забирает самое дорогое у него. Я его понимаю. Я выросла среди таких законов. Око за око, как говорится. Если бы не одно но! Моя мать помогла сбежать «золотым деткам». Она укрыла их от Атонаха, подвергая себя смертельной опасности, ибо мой отец не щадит никого, даже своих женщин. И вот я здесь, а добро моей матери забыто.

Энира нахмурилась. Рикка с удовольствием почувствовала необыкновенную легкость на душе, словно она сбросила гигантский валун, который тащила много дней подряд.

Упиваясь этим чувством, Риккарда наблюдала, как девушка встает, подбирает ключ, а после открывает решетку. Она распахнула ее настежь, отходя в сторону. Рикка настолько обомлела, что даже с места не сдвинулась.

– Поднимайся, Рикка, тебе нужно уходить отсюда, – поторопила светлоглазая спасительница.

Риккарда неуверенно встала и направилась к выходу. На пути к вахте она спросила:

– А что будет с тобой? Дамаск догадается, кто освободил меня и того квихельма.

– За меня тебе меньше всего стоит беспокоиться, – насмешливо хмыкнула Энира.

Поднявшись по лестнице в сторожевую комнату, Рикка испытала мимолетный испуг, вспомнив свое прошлое посещение этого помещения. Однако волновалась она зря. Карберы смиренненько лежали на полу, сладко похрапывая. До самого выхода из дворца проблем не возникло. Встречающиеся на пути стражники просто-напросто спали на своих постях.

Выйдя на улицу, Риккарда с блаженством вдохнула свежий воздух полной грудью. Она настолько привыкла к тюремному смраду, что уже начала забывать о существовании нормальных запахов. Ночь сегодня действительно выдалась на редкость темной. Девушки шли без света. Еще на вахте Энира оставила свой факел. Как она без труда передвигалась в таком крошечном мраке, так и осталось для Рикки загадкой.

Взяв бывшую пленницу за руку, Светлая уверенно вывела ее за стены дворца, где их ждали трое квихельмов. Тот, что некоторое время делил соседство с Риккардой, сейчас сидел верхом на рысаке, что-то рассказывая на своем языке двум другим мужчинам, стоявшим рядом.

Подойдя ближе, Энира командно отдала распоряжения, подводя свою спутницу вплотную к рысаку. Без лишних разговоров один из квихельмов схватил Рикку за талию и посадил на коня, позади наездника.

– Рикка, ты знаешь геллийский? – строго спросила спасительница.

– Да, – негромко ответила дочь Атонаха, не понимая, можно ли радоваться и стоит ли бояться квихельма, которого она обвинила обеими руками.

– Хорошо. Карбон отвезет тебя в Керибюс. Старайся не отвлекать его в пути, но если что-то понадобится, обращай к нему на геллийском.

– Как я могу отблагодарить тебя, Эни? – спешно спросила Риккарда, ощущая острый прилив благодарности.

Выражение лица девушки она не видела, но смешливые нотки в голосе различила:

– Никак, Рикка. Вряд ли мы с тобой когда-нибудь встретимся.

Простая честная фраза. Но она ядовитой горечью разлилась в душе Риккарды.

Глава 9

Пощечина

Лисбет,

Саданский залив

3038 г.

Поле нефритовой зелени обнимало многовековой вяст, сиротливо выросший посреди этого океана турмалиновой пшеницы. Ветер катался на травяных волнах, гипнотизируя сознание короля Фостэйна. Закончив активировать боевой кристалл Эрорра в Саданском заливе Лисбета, Айдан скрылся ото всех в этой природной обители тишины, оставив охрану метрах в пятистах от себя.

Его страшно злили Правители со своими приказами. Именно ему выпала доля объехать весь север и восток, занимаясь этим «благородным» занятием – ставить защиту на земли своих врагов. Однако Айдан понимал, что необходимость сплотиться против Темных важнее, чем его собственные амбиции и честолюбие.

В последнее время всё шло не так, как планировал король Фостэйна. Выполняя приказы Ардала, он чувствовал себя мальчиком на побегушках, а не императором северных земель. Проклятый квихельм Раймонд пропал бесследно. Айдан хоть и сказал ему, чтоб без Эниры тот не возвращался, но неизвестность ему тоже не нравилась.

Энира...

Король сжал зубы до скрежета. Он чувствовал себя виновным в том, что Ардал объявил на нее охоту. Его собственное тщеславие сыграло с ним злую шутку, и теперь приходится расплачиваться за это. Айдан не знал, где она и жива ли вообще. От этой мысли тело пробил озноб. Он не смог ее уберечь, единственную представительницу расы Светлых. Не для мира, для себя. Впервые в жизни Айдан потерял покой, плененный не только красотой девушки, но и ее характером. Всё его существо было всецело предано ей, и он жадно и завистливо не желал, чтобы другие видели и знали Эниру.

Что это? Болезнь? Возможно. Но он не хотел избавляться от этого недуга. Впервые Айдан чувствовал, что мир наполнен смыслом. Поэтому, увидев разрушенный Квихл, он не поверил, что Энира находилась там во время атаки. Следов ее энергии король не обнаружил, так что надежда еще теплилась в его душе.

– Ваше Величество! – со стороны города раздался знакомый голос Мерода Люхтерстейна. Но это невозможно! Он должен быть в Хасаре!

Развернувшись к бегущему герцогу, король застыл в напряженной позе. Выглядел Люхтерстейн отвратительно. Весь в пыли, грязи, а глаза красные, словно он не спал седмицу.

– Ваше Величество! – запыхавшись, выпалил маг, упираясь в колени.

– Что ты здесь делаешь, Мерод? Я же приказал тебе отправляться в Кемиз.

Разогнувшись и схватившись за бок, герцог на одном дыхании ответил:

– Я только оттуда.

– Не понял, – начал злиться король. – Из Хасара что, письма не отправляются? Ты же должен был там находиться три месяца, как мой личный представитель, пока я сам не прибуду к этому новому султану и не назначу нашего посла. Он не имел права тебе отказать.

– О-о-о-о... – многозначительно протянул Мерод. – Он мне отказал. Да еще как отказал!

– Как он тебе отказал? – чувствуя, как обжигающая ярость потекла по венам, вкрадчиво поинтересовался король.

– Он сказал, что ни один фостэйнский высокопоставленный выродок не будет жить в стенах Дарсана...

Договорить Мероду не удалось. Гневный рев короля и пущенный в землю огненный пульсар громом заглушили его слова, обдав жаром и грязными ошметками.

– Что он себе позволяет!? Откуда взялся этот султанишка!?

– Никто не знает – откуда, Ваше Величество, – не обращая внимания на вспышку королевского гнева, спокойно ответил Мерод, убедившись, что полю пшеницы не угрожает пожар. – Однако его все приняли с распростертыми объятиями. Он признан единственным законным наследником Бархиса. Вся знать склонилась перед ним, весь честной народ раболепно падает ниц. Даже ярмалы, которые сложили свое оружие во время правления Хмириса, вернулись и присягнули этому султану. Его власть в Кемизе безоговорочная.

Айдан смотрел на герцога так, словно тот говорит на другом языке. Никогда он не слышал, чтобы новую власть принимали так единодушно. Даже ему потребовалось время, чтобы крепко схватить узды правления и заслужить уважение знати и челяди. И то, больше половины люто ненавидели Айдана, мечтая скинуть с трона, но страх перед его Силой всегда возвращал с небес на землю особо громко роптавших.

– Какого... храга? Кто он такой? Напомни-ка мне его имя.

– Тайхар I, Ваше Величество.

– И это действительно наследник Бархиса? – стараясь подавить кипевшее в душе бешенство, чтобы начать соображать хладнокровно, намного спокойнее спросил Айдан.

– Очень похоже на то, – задумчиво изрек Мерод.

– Аргументы?

Прежде чем ответить, герцог Люхтерстейн ненадолго замер, словно пробуя на вкус слова, которые хотел произнести.

– Сложно объяснить, Ваше Величество, – поморщившись, наконец ответил он. – В обществе этого... человека я находился сравнительно недолго. Но... такой Силы, подавляющей разум, я еще не встречал. Это истинный правитель. И даже если этот Тайхар не родной сын Бархиса, то достойный наследник – точно.

Слова герцога не понравились Айдану – одному из самых сильных магов Эвы. На собрании в Ардале лишь четверо могли померяться с ним Силой. Трех, в число которых входили Кронус и Бонифаций, король Фостэйна одолел бы с небольшими потерями, но одолел. А вот с четвертым пришлось бы хорошенько попотеть. Султан Эссора – на редкость сильный маг. Понял король это, когда оказался вместе с ним на аудиенции у Правителей, обсуждая план защиты Материка. Аура эссорского мага была сильна, как и у многих в стеклянном зале, а вот его связь с астралом отличалась такой изошренностью, какую Айдан не видел никогда. Султан не пользовался магическим алфавитом, король Фостэйна даже допускал мысль, что он ему неподвластен. И именно этот факт мог преподнести ему массу неприятных сюрпризов. Так что Айдан решил относиться к нему с большей осторожностью, чем к остальным.

А теперь появился еще один султан, который, видите ли, очень сильно там кого-то подавляет.

– Знаете, Ваше Величество, я до сих пор не могу забыть то ощущение мощи, которое я почувствовал от фархаров во время нападения на Кьунгонд, – прервал Мерод мрачные мысли короля. – Так вот, в Хасаре это чувство было раз в десять сильнее. Страшно, скажу я вам. Уничтожающе даже.

Айдан нахмурился.

– То есть идти на него войной за оскорбление ты не советуешь? – уточнил король, привыкший доверять своему главному советнику.

– О-хо-хо!.. – саркастично начал было Мерод, но, заметив суровый взгляд короля, быстро откашлялся и серьезно ответил: – Однозначно не советую, Ваше Величество.

– Кардаш... – тихо ругнулся Айдан и в замешательстве запрокинул голову, наблюдая за вяло ползущими белоснежными облаками. – И что ты тогда можешь посоветовать? Такой плевок просто так оставлять нельзя.

– Впервые не знаю, что вам предложить, мой король. Это необычный маг. У него даже прозвище есть в народе – Безликий или Многоликий. Вот вы если сейчас меня спросите, как он выглядит, я вам и не отвечу. Потому что не помню.

– Как это?

Герцог Люхтерстейн замялся, подбирая слова.

– Говори, Мерод! – потребовал Айдан в нетерпении.

– Понимаете, Ваше Величество, когда я смотрел на него, его лицо словно текло...

– Словно что? – переспросил король.

– Оно менялось. Вот на меня смотрит мужчина с голубыми глазами, острым носом, пухлыми губами и шрамом на щеке, а через секунду глаза становятся зелеными, на носу образуется горбинка, а шрам неведомым образом разглаживается.

– Бред какой-то... – выдохнул король, разворачиваясь лицом к полю пшеницы. – Может быть, он использует артефакт?

– Возможно, – согласился Мерод. – Но магическим зрением я его так и не смог посмотреть.

– Почему?

– Я пробовал. Но чуть не ослеп. Его аура настолько яркая, что мое зрение это выдержать не смогло. Если бы не настойка, которой меня милосердно напоила целительница, то, скорее всего, к вам бы я вернулся слепым. К слову, зрение мое восстановилось в полном объеме лишь два дня назад.

Айдан резко обернулся, уставившись на герцога, как на безумца.

– Не бывает такой ауры! – возмутился король. – Самая сильная аура у фархаров, от нее не слепнут, а уж про людей и говорить нечего.

– А я не уверен, что мы говорим про человека, – выдал Мерод.

– То есть?

– То есть я не знаю, что это такое, Ваше Величество. Даже фархары так не пугают меня, как этот... султан.

Вот теперь пришел черед волноваться королю. Айдан начал нервно ходить вдоль кромки тихо шелестящей травы, по десять шагов меряя пяточок земли туда-обратно. Спрятав лицо в ладони, он неожиданно для себя рассмеялся.

– Прекрасно! – задорно взмахнул рукой Айдан. – И чем же этому созданию не угодили фостэйнские высокопоставленные выродки? Неужели боится, что я могу завоевать его маленький кусок земли? У него же, исходя из твоих слов, прорва Сил. Чего ему переживать?

Пожав плечами, Мерод нехотя произнес:

– Вряд ли, Ваше Величество. Честно говоря, у меня сложилось впечатление, что он конкретно к вам воспылал острой нелюбовью.

Король измученно провел ладонью по лицу.

– Дивные вести ты мне привез, Мерод, дивные.

– Простите, Ваше Величество, какие были, – поник герцог.

– Ладно. Пойдем, – двинувшись в сторону города, устало предложил Айдан. – Нужно отдохнуть. Завтра выдвигаемся в Нуармутье. А с этим Тайхаром разберусь позже. Свяжусь с Правителями. Скажу, что сам активирую в Хасаре кристалл Эрорра. Придется лично к нему наведаться.

– Но они же сами на юге активируют, – напомнил герцог.

– Ты думаешь, они расстроятся, если я предложу? – насмешливо задал король риторический вопрос.

***

Ардал
о. Криста
3038 г.

– Феллон выжжен дотла, савит Кронус, – дрожащими губами отрапортовал савит Ланком. Облачен он был в мундир насыщенного кобальтового цвета с серебряными петлицами и такими же застёжками через всю грудь. Его одежда была чистая, а лицо умыто, но на шее виднелся мазок сажи. Очевидно, маг прибыл «с корабля на бал», да прямо к главе Карающих. Сидя в удобном кресле, уютно расположившись у теплого камина, Кронус тоскливо окинул взглядом нарушителя своего спокойствия. Целый месяц катания по всему западу Материка здорово его утомил. Конечно же, хотелось тишины. Но положение главы Карающих вносило свои коррективы.

Отложив книгу, Правитель приглашающе указал на кресло. Как только маг уселся напротив, Кронус спокойно спросил:

– Кем выжжен?

Смахнув капельку пота с виска, Ланком взволнованно ответил:

– Фархарами, гран.

Тяжело вздохнув, Кронус потянулся к бокалу с вином, стоявшему на стеклянном столике рядом.

– Архимаг уже в курсе?

– Да. Я только от него. Савит Бонифаций передал вам это.

Трясущейся рукой Ланком достал из кармана запоминающий кристалл Эрорра и положил на столик. Взяв мутно-белый камень, Кронус толкнул крошечную толику Силы, активировав передатчик.

В воздухе разлился голубой свет. Вбирая в себя цвета, он наконец насытился, спроецировав голову Архимага.

– Кронус, немедленно возвращайся в Вурадех. Ты мне нужен. Срочно! – отчеканил явно взволнованный Бонифаций. – А пока посмотри вот это. Запись свежая, уже переведенная с фархарского.

Лицо Бонифация исказилось, растекаясь по воздуху. Свет вновь закрутился, и уже другая голова предстала пред взором двух магов. Кронус даже подался вперед.

Фархар. Черный, как сама тьма, и с глазами цвета бесконечной Бездны. Брови главы Карающих напряженно столкнулись на переносице. Глаза фархов всегда имели светлый цвет. Этот же был иной. Тиски страха схватили Кронуса за горло.

– Это лишь начало, черви, – прокатился по комнате низкий рокочущий голос. – Пока вы нам не нужны. Лишь то, что сокрыто в недрах нашего Материка. Материка, которого вы отравляете своим мерзким существованием. От вас требуется отдать нам иллира. Мы даем вам год, чтобы отыскать и доставить нам Светлую. Если вы не повинуетесь, стирать вас с лица Эвы мы будем долго и мучительно, пока иллир не окажется у нас. Поторопитесь. Иначе мы уничтожим все ваши страны, а не только маленький городишко. Ищите Светлую, черви.

Изображение погасло. В комнате, несмотря на горящий камин, словно стало холодней.

Кронус откинулся в кресле, пытаясь переварить полученную несъедобную информацию. Теперь стало понятно, кто из фархов изменил Великую Границу. Черноглазый Темный был нагляднее самых красноречивых слов.

Глянув на зеленого от ужаса Ланкома, Кронус как ни в чем не бывало уточнил:

– Насколько сильно выжжен Феллон?

Перепуганный маг перевел стеклянный взгляд на главу Карающих, он словно даже и не слышал вопроса.

– Феллон. Сильно ли выжжен город? – медленнее повторил Кронус.

Не каждый способен выдержать подобные послания сильнейших мира сего. Не зря у руля власти стоят самые стрессоустойчивые люди. Остальные долго там не задерживаются.

– Даже с-стен не осталось, с-савит, словно и не было там никогда ничего кроме п-пепе-лица, – отчего-то вдруг начал заикаться маг.

– Интересно-интересно... Вы можете быть свободны, савит Ланком.

Как только маг покинул комнату, Кронус активировал переговорный амулет.

– Гирмир, готовь корабль. Возвращаемся в Вурадех.

– Слушаюсь, савит Кронус.

Глава 10

Хвост

Пустыня Фаджар

3038 г.

Огромная черная проплешина диаметром не меньше километра зияла посреди светлых песков пустыни Фаджар. Стоя на сгнившей земле, Дамаск уже несколько минут пораженно разглядывал свой крошечный маячок в центре всей этой вакханалии. Когда-то яркая светящаяся метка сейчас тускло мигала и вяло подрагивала.

Что вызвало этот маленький катаклизм? Сила куба фархаров, который Белый закопал в песок? Или, быть может, его собственная магия так откликается на магию Темных? Возможно, причина крылась в самой Пустыне и ее извращенной Силе? Дамаску оставалось лишь гадать.

Боль, день ото дня становившаяся сильнее, ударяя его через астрал по связи с маячком, сейчас ощущалась как никогда остро. Магический Источник Дамаска словно разъедало кислотой, отдавая разрядами в позвоночник.

«Ох, как же не хочется...» – про себя простонал султан, собираясь с духом, чтобы перейти непосредственно на связь с маячком, в астрал. Сев на истлевшую землю и подогнув под себя ноги, Дамаск закрыл глаза. Глубоко вздохнув, он погрузился в транс.

Времени потребовалось куда больше, чем обычно. Разрывающая нутро боль долго не давала перейти в эфемерный мир. Выйдя на просторы астрала, Белый ужаснулся. Черные смерчи ввинчивались в призрачный песок Фаджара, создавая вокруг прототипа прогалины в реальности энергетические вихри такой силы, что Дамаск не представлял, как подобраться к маяку.

Еще больше напрягали астральные сущности, будто собравшиеся на чудесный пир. Они хороводом кружились вокруг места захоронения куба, так сильно желая подобраться ближе, что в итоге теряли бдительность, и их засасывал один из смерчей, выбрасывая в черное небо разряд рубиновой молнии.

Теперь стало понятно, кто тянул из Дамаска Силы. Связь нельзя оставлять. Энергию Фаджара Белый использовать не решился. Потянувшись к своему Источнику, он пустил к маяку пробный разряд магии. Собравшиеся сущности заволновались, но подойти ближе не отважились. Посчитав, что сделать нужно всё быстро, а после просто выпрыгнуть из астрала, Дамаск приготовился действовать. Чувствуя, как его астральную проекцию начинает раздавливать от чудовищной боли, он зачерпнул огромную толику Силы из физического тела, после чего пустил ее по связи к маяку, заклиная всех богов Эвы, чтобы она дошла до цели и разрушила метку.

Связь выглядела как едва заметная паутина. Но как только по ней побежала энергия Дамаска, она стянулась в тугой трос, засверкав глубокой бронзой.

– Бездна!.. – выдохнул Белый, наблюдая, как слепые обитатели астрала почуяли дармовую Силу и набросились на связь.

Смерчи жадно начали поглощать дерзнувших преступить незримый барьер. Но их было куда меньше, чем порождений иномирья. До цели оставалось меньше трех метров, но несколько сущностей уже жадно впились в связь, забирая необходимую энергию. Еще больше иссушая свой Источник, Дамаск ударил по земле сконцентрированной в кулаке Силой.

Под астральными созданиями выскочили склизкие энергетические пути, рассекая их иллюзорные тела. Через несколько секунд они появились вновь. К счастью, этого оказалось достаточно. Энергия, бегущая по связи, добралась до мигающего маячка, взорвав его. Связующий трос тут же начал рассыпаться на глазах.

С чувством выполненного долга Дамаск потянулся обратно к своему телу. Как только он вернулся в реальность, то чуть не отключился из-за охватившей его слабости. Белый упал на

черноту прогалины, закрывая глаза. Сознание поплыло, а мир противно завертелся, словно его качало в штормившей лодке. Дурнота подступила к горлу. Дамаск резко перекатился на бок, изрыгая из себя горькую желчь.

Очистив организм, султан вновь завалился на землю, мечтая на несколько часов провалиться в сон. Однако планы его нарушило легкое дрожание истлевшего песка. Открыв глаза, Белый посмотрел в центр проплешины. Там ничего сверхъестественного не происходило, а вот за пределами черноты Дамаск разглядел движение. Заставляя себя подняться, он смог лишь сесть. Песок Фаджара начал вздыматься аккуратными горками.

Песчаные холмы быстро росли, пока не показались черные фигуры. Глаза Дамаска расширились, а сердце неровно забило о грудную клетку. Словно рассыпчатая вода рухнула с неизвестных высоких существ. Сначала Белый подумал, что это фархары. Но нет. Они походили на них, однако это всё же было что-то другое. Высокие существа, два-два с половиной метра роста, бесполое, черные, блестящие, стройные тела с переплетенными жгутами мышц, на груди хаотичные белые полосы, длинные руки с удлинненными когтистыми пальцами, лысые головы... А вот лица заставили волосы Дамаска зашевелиться. Из песка «рождались» два типа неведомых созданий. Первые – безглазые существа сладко втягивали воздух в две маленькие дырочки, что служили им носом, и открывали огромные пасти от уха до уха, насчитывающие сотню острейших клыков, предназначенных исключительно для разрывания плоти. Вторые же не имели рта вообще, смотря на Дамаска янтарными глазами без радужки и белка.

Магии в нем почти не осталось, а вот адреналин в крови наполнил султана недюжинной силой. Вскочив, он припустил так, что только пятки засверкали. За спиной прокатились раскаты гневного рева.

Молясь Оркусу, чтобы эти чудища оказались настолько же медлительными, насколько уродливыми, Дамаск даже не оборачивался, несясь к своему рысаку, мирно топтавшемуся в паре километров от черной прогалины.

Добежать султану Эссора так и не удалось. Грудь прорезала удушающая боль. Резкий толчок остановил его, дернув назад. Упав в твердые объятия песка, Дамаск на миг потерялся в пространстве. Открыв глаза, он резко сел, пытаясь вновь вскочить и побежать, но не смог. Его тело сковали магические путы. Жирный, неприятно сопливый аспарагусовый щуп стиснул грудную клетку, пригвоздив руки к телу. Дернувшись, Дамаск понял, что щуп кто-то держит. Обернувшись, он увидел, как к нему направляются девять мерзких существ.

Собрав последние крохи магии, султан выпустил огонь на поверхность тела, пытаясь сжечь удавку. Гадкий канат завонял и задымился, но не исчез. Страх начал застилать глаза и дурманить разум. В панике вскочив, Дамаск вновь рухнул в песок, поддаваясь магическому «поводку», который держал один из уродов с глазами.

Чудовища окружили султана, замершего, словно кролик в террариуме у удава. Тот желтоглазый, что держал его, подошел ближе. Он сел напротив Дамаска, медленно обвивая горло мага своими длинными когтистыми пальцами. Неожиданно один из монстров застрекотал, переходя на рык. Отвлечшийся на шум желтоглазый вновь посмотрел на Дамаска. Он накрутил «поводок» на запястье и потянулся освободившейся рукой к лицу человека. Царапнув щеку султана до кровавой полосы, монстр отстранился, уступая место мутанту с пастью. Жуткое существо жадно втягивало запах мага, время от времени открывая пасть и выпуская тонкий длинный язык синюшного цвета, будто пробовало воздух на вкус.

Чувство гадливости даже страх пересилило. Не желая быть сожранным этими тварями, Дамаск собрался полностью иссушить свой Источник магии. Да, он погибнет, но, по крайней мере, сотрет с лица Эвы эту погань.

– Сахжа-ар, – прошипел слепой мутант.

Его тут же оттолкнул желтоглазый, воткнув острый коготь Дамаску в правый бок. Белый заорал. В живот будто вонзился раскаленный кинжал. Боль была невыносимой, и сознание султана уплыло в небытие.

Кап-кап. Кап.

Холодные неприятные капли разбивались о лицо Дамаска. Дернув головой, пытаюсь стряхнуть влагу, он ощутил, что кожу оросило еще больше. Недовольно открыв глаза, султан осмотрелся, пытаюсь понять, где находится.

Фаджар.

«Дождь? В пустыне?» – подумал Дамаск, посмотрев на небо, где толкались свинцовые тучи, огрызаясь друг на друга зубастыми молниями.

Вдруг вспомнив, что привело его в пустыню Смертника и обстоятельства, уложившие в горизонтальное положение, Дамаск схватился за правый бок. Легкая льняная рубашка зияла дырой и липко блестела кровью. На животе бугрилась рана, словно ей уже несколько седмиц.

Белый прислушался к ощущениям. Какого-то чудовищного дискомфорта он не испытывал. Да, неприятно, но вполне терпимо. Дамаск попытался осмотреть себя в истинном видении, но Источник резанул такой болью, что он вновь чуть не потерял сознание.

Решив пока с магией повременить, султан поднялся на ноги, направившись в сторону, где оставил своего рысака, всей душой уповая, что тот всё еще там.

Через два дня Дамаск подъезжал к Эссору. С каждым шагом коня ему становилось всё хуже и хуже. Рана полностью зажила, но состояние было такое, будто она, наоборот, загноилась и отравляла организм. Температура тела опасно поднялась, и в итоге к воротам столицы рысак привез султана без сознания. Карберы быстро доставили своего правителя во дворец, где им тут же занялись самые лучшие целители султаната.

Четыре дня Дамаска пытались спасти, но все оказывалось тщетно. Он перестал приходить в себя.

Белый парил. Парил где-то высоко над землей, купаясь в звездах, как неожиданно его дернули вниз, и он ударился о негостеприимную землю прямо животом. Да так сильно, что не смог сдержать крик.

– Тише, тише, Дамаск! – раздался знакомый девичий голос, где-то совсем рядом.

Белый надрывал голосовые связки, чувствуя, будто ему кишки на вертеле жарят.

– Уйди от него! С твоим появлением только хуже! – заорал Шах.

Послышалась возня, звон разбивающейся посуды и гневное шипение Эниры:

– Это вы уйдите от меня, иначе я вам глаза выколю. Почему мне раньше не сказали? У него что-то в животе... Дайте нож!

– Что ты собралась делать? – не унимался скорпус.

– Я сказала, дать нож! – потеряла терпение лира.

– Угомонись, Шах! Она Светлая и вреда ему не принесет! – вмешался благоразумный Бирм.

На живот опустилась прохладная маленькая ладошка. Боль тут же отступила, и Дамаск провалился в бездонную пустоту.

Ночь скомкала цвета в полутона. Звуки спрятались в темноте, тихо перешептываясь друг с другом. Яркие магические лампы в султанских покоях сейчас тускло светили мягким коралловым цветом, практически не дотягиваясь до широкой кровати с золотыми столбами.

Дамаск открыл глаза. Он прекрасно помнил всё, что произошло. Однако, несмотря на весь пережитый кошмар, чувствовал султан себя великолепно. Будто заново родился!

Слева у самой кровати кто-то сидел. Правитель Эссора повернул голову и увидел спящую в кресле Эниру. Голова ее упала на плечо, книга, которую она читала, сползла к подлокотнику, а ноги по-хозяйски были закинута на ложе султана.

Будто почувствовав, что на нее смотрят, девушка открыла глаза. Сонно улыбнувшись, она потянулась к руке Дамаска, накрыв ее своей теплой ладошкой.

– Здравствуй, Дамаск. Как ты себя чувствуешь? – полушепотом спросила Энира.

– Как ни странно, хорошо, – хриплым голосом ответил султан, благодарно поцеловав маленькую ручку. – Спасибо тебе. Это ведь ты вытащила меня из объятий смерти.

Откидываясь обратно в кресло, лира беззаботно отмахнулась.

– Я уверена, ты бы сделал то же самое.

Султан согласно усмехнулся.

– А что конкретно я бы сделал?

Лицо Эниры приняло серьезное выражение. Она сложила руки конвертом и прижала их к губам.

– Что произошло в Фаджаре, Дамаск? – озадачено спросила лира.

Сев в кровати, султан потянулся к стакану с водой, стоящему на позолоченной тумбочке рядом, и только после того, как осушил весь сосуд, загадочно ответил:

– Самому бы знать, что именно там произошло.

Энира вопросительно вскинула брови.

– Я столкнулся с неведомыми созданиями. Верить, нет, Эни, но их не существует, – попытался объяснить Дамаск. – Либо это порождение Фаджара, либо... фархаров.

– Почему ты так решил?

– Само их существование абсурдно. Они выглядят, как смесь человека и фархара, но у одного из их вида нет даже рта. Природа бы не создала такую тупиковую ветвь, не способную питаться. Оттого и напрашивается вывод. Либо это искаженная магия Фаджара породила этих чудовищ, либо изоциренный ум Темных.

Не понимаю, почему они меня не разодрали на куски. Вторые представители имеют довольно внушительные пасти. Самое удивительное – мне показалось, что есть меня они передумали в последнюю минуту...

В глазах Эниры вдруг отразился страх. Заметив его, султан замолчал.

– Дамаск! Тебя ранила одна из этих тварей? Это ее коготь мы вытащили из твоего живота?

– Один из уродов действительно меня ранил, но я не думал, что он оставил коготь во мне, – брезгливо ответил Белый, поморщившись от отвращения.

Однако это быстро ушло на второй план, затмившись падением Эниры, которая резко вскочила с кресла и, поскользнувшись, распласталась на полу.

– Эни! – тут же кинулся Дамаск на помощь лире, но она уже сама резво поднялась на ноги, бросившись к выходу.

Султан непонимающе уставился на захлопнутую дверь. Рядом стоял пузатый белоснежный диван с золотой отделкой, а около дивана застыл Ганс. Дамаск и не знал, что он в комнате. Немой маг посмотрел на Белого. В его глазах читалось точно такое же недоумение.

Неожиданно дверь открылась, и взорам вновь предстала запыхавшаяся Энира.

– Где... покои... Бирма? – делая перерывы для вдохов, спросила лира (видимо, убежать она уже успела далеко). – Или где... он там... сидит?

– Эни, зайди в комнату и объясни, в чем дело! – строго приказал правитель Эссора.

– Нет времени, Дамаск! – крикнула Энира, схватила Ганса за руку и убежала.

– Я что, уже перестал быть султаном? – проворчал себе под нос Дамаск, зло откидывая одеяло и поднимаясь с кровати.

Осмотрев свой бок, где, по идее, должна быть рана, ведь коготь как-то вытаскивали, Дамаск опешил.

«Это ж сколько я был в отключке?» – удивился он, разглядывая девственно-чистую кожу без намека на шрам.

Накидывая шелковый черный халат, султан дал себе зарок в подробностях узнать о прошедшей операции, после чего направился в кабинет Бирма, чтобы догнать неутомную Светлую.

Глава 11

Отражение памяти

Восточный султанат

Эссор, столица

3039 г.

Глаза застлало стекло мыслей, и Энира слепо смотрела в одну точку на хаотично разрисованном красно-черно-желтом ковре, красующемся посреди библиотеки. В руках она держала книгу великого Франка Рига, неизвестное издание о сказаниях потерянных народов, но совершенно не помнила, что прочитала всего минуту назад.

Дамаск лично уничтожил коготь неведомого существа, но был ли в этом смысл? Создания фархаров встретили султана в Фаджаре? Если да, зачем они засунули в него маячок? Чтобы он привел их к людям? Им было достаточно лишь проследить за человеком. Убить его? Это без труда мог сделать любой из них прямо в песках Пустыни. Зачем же тогда?

Что-то они почуяли. Возможно, даже ее. Ведь фархары ищут Светлую. Но Дамаск сказал, что подаренный Тэйпом медальон меняет ее ауру, астральный слепок и даже запах несколько раз в день. Значит, распознать лиру они не могли.

«Да у тебя уже просто паранойя разыгралась, лира Бэр. У любого крыша подкапывать начнет, когда пол-Эвы тебя убить хочет. По крайней мере, ты пока не подозреваешь в слежке пыль – это уже хорошо», – мысленно успокоила себя Энира.

«А если это не выверт большой фантазии?» – тут же вторил инстинкт самосохранения. – «Что, если эти существа отправили в Дамаске маячок для фархаров? И если да... Какова вероятность, что его уничтожили вовремя, и он не определил мое местоположение?».

Руки тут же задрожали от столь пугающей мысли, так что лира ими раздраженно потрясла. Первое естественное желание – вскочить и броситься прочь из дворца, Эссора и вообще с этой планеты. Но она заставила себя вновь уставиться в книгу затуманенным взором, не различающим буквы.

«Тебя не могут почуять. Не могут!» – убеждала лира себя. – «Не будет же Дамаск врать. Это в его интересах, чтобы источник опасности убрался из его султаната, и если он так спокоен, значит, верит в то, что говорит. А значит, я должна верить ему... И поскорей найти проклятую книгу о Вейлире!».

Пытаясь вогнать смысл прочитанных слов в голову, Энира старалась читать продолжение быстрее, так как знала, что скоро за ней или к ней придут. Неожиданно она почувствовала мощную волну магии султана, пробившую своим откатом пол библиотеки. Что ж, вероятно, Дамаск только что узнал о побеге квихельма и Риккарды.

Квихельма лира не могла не освободить. Хоть она сама не состояла в Братстве и никаких клятв верности не давала, но иначе и быть не могло. Столько лет прожив с ними бок о бок, имея единый язык, ставший родным, Энира воспринимала их как маленький отдельный народ, свой народ. Юхан и Киф, конечно же, освободили его. По настоянию подруги, без лишних шума и крови. Немудрено, что после этого мальчишкам пришлось покинуть дворец. Сначала они уговаривали Эниру уйти с ними, но лира уперлась рогом и сказала, что пока не найдет то, что ищет, не сдвинется с места.

Само собой разумеется, как более эмоциональный, Юхан начал жутко орать и собирался увести лиру силком. Многочасовой спор и убеждения всё же помогли ей настоять на своем, с условием, что каждый день, когда Илар будет в зените, Энире придется выходить на площадь в паруконе и садиться на фонтан ровно на пять минут. После чего девушка сможет спокойно отправляться обратно во дворец. На протяжении двух с половиной седмиц она ежедневно совершала этот маленький обряд, тихо сопя. Но уговор есть уговор.

По поводу этого квихельма остался лишь один вопрос – кто его прислал? Его направили за ней. Да, это была правда. Лира видела его ауру, когда вела допрос в присутствии Дамаска. Но на счет Мастера Освина Посланник Оркуса солгал. Так что кто ее ищет, так и осталось висеть в воздухе.

Что касается Риккарды... Энира так и не поняла, почему Дамаск держал ее в таких ужасающих условиях. Девушка была пропитана его аурой. Аура же самого султана начинала гореть ярче, стоило ему почувствовать рыжую. Значит, что-то между ними было, а если между мужчиной и женщиной что-то есть, как может мужчина так обходиться со своей женщиной? Энира этого не понимала.

Да, история про Атонаха – кошмарна. Мечь, око за око, это еще лира могла осознать, прожив большую часть жизни среди квихельмов. Но ведь была еще мать Рикки, без которой побег маленьких мальчиков от жестокого тирана и вовсе бы не удался. Вот что лира не могла принять. Именно поэтому она выпустила девушку. К тому же Энира сама успела прочувствовать, что значит жить в неволе. Конечно, клетка ее имела золотые прутья и более просторные размеры, но сути это не меняло.

– Госпожа, прошу следовать за Бермесом.

Прямо перед креслом лиры из ниоткуда возник маленький страшный человечек, худой, с серым вытянутым лицом, на котором явственно выделялся заостренный нос.

В первое мгновение Энира непроизвольно вскрикнула.

– Простите, госпожа, Бермес не хотел вас напугать, – отвесил глубокий поклон человечек.

Разглядев розовые пятна на щуплом тельце, выглядывающем из-под крошечного красно-оранжевого камзола, Энира вдруг поняла, что за создание перед ней, и жутко удивилась.

– Вы мелиграл! – совершенно невежливо охнула она, подавшись вперед.

Об этих существах лира слышала лишь от Мюроля Жизора и то однажды.

– Да, госпожа, – вновь с поклоном ответил невозмутимый человечек.

Ее взгляд быстро пробежал по легкой голубоватой дымке ауры мелиграла. По преданиям, эти существа не обладали магией, но Бермес возник из воздуха. Хоть Энира и уткнулась в книгу, и обычное зрение не смогло бы различить гостя, вкупе с объяснением разума, что человечек просто тихо подошел, но лира обладала еще и магическим, более чувствительным, чем у кого бы то ни было на Эве. На месте появления кружилась едва заметная крохотная черная воронка, которая быстро исчезла.

Аура мелиграла была столь слаба, что Энира уже начала переходить на обычное зрение, как заметила под тонким голубым слоем что-то более плотное того же цвета. Глаза ее округлились от понимания.

– Вы прячете свою ауру? – вопрос лиры прозвучал больше как утверждение.

Мелиграл застыл, его серые глазки широко распахнулись, а удлинённые уши начали подрагивать. От осознания собственной правоты Энира поспешно прыгнула с кресла и присела на корточки в нескольких сантиметрах от Бермеса, восхищенно его разглядывая.

– Покажите, – восторженным шепотом произнесла она, прижимая к губам молитвенно сложенные руки. – Покажите свою ауру.

Человечек начал загнанно озираясь, медленно отходя от девушки. Его фигурка тряслась, словно он боялся, что вот-вот свершится нечто страшное.

– Я никому не скажу, обещаю, – поспешила успокоить мелиграла Энира.

– Бермес не может, – шепотом произнес Бермес, зажимая себе уши, словно слышал оглушающий крик.

– Почему?

– Не может! Господин почует Силу Бермеса. Почует господин, узнают Боги! Боги не пощадят Бермеса! Боги заберут Бермеса. Они будут злы, они накажут. Бермес всего лишь глаза и уши, глаза и уши, глаза и уши...

– Тихо-тихо-тихо, – слегка напуганная Энира попыталась утешить мелиграла, подползая к нему и отнимая его ладошки от ушей.

Как только она коснулась человека, он затих. Бермес завороченно посмотрел на обхватившие его руки.

– Не хочешь показывать – не надо.

Но мелиграл не слышал Эниру. Он обхватил ее ладонь и прижался щекой. Кожа его ощущалась как лист пергамента – такая же сухая, гладкая и словно безжизненная. Мелиграл прикрыл глаза. На тонких серых губах заиграла полуулыбка. Лира с интересом за ним наблюдала, пытаясь понять, что творится в этой маленькой лысой голове.

– Бермеса никогда не касалась рука Светлой. Светлая дарит Бермесу покой и счастье. Теперь Бермес понимает, почему Боги боялись Силы Светлых. Такая Сила, что сокрыта в Светлейшей, может поработать. Бермес поможет Светлейшей. Бермес знает, что ищет Светлейшая. Светлейшая должна жить, лишь она может спасти наши души.

– Кто эти Боги, Бермес? – затаив дыхание, спросила Энира, чувствуя, как огромная тайна разворачивается перед ней свои могущественные крылья.

– Бермесу хочется помочь Светлейшей, но если он расскажет, то умрет, – продолжая баюкаться в ладони лиры, трансовым голосом ответил мелиграл. – Но, если Светлейшая пожелает, он расскажет.

Желание узнать было столь сильно, что сердце Эниры пропускало удары, но она не хотела смертей.

– Я хочу, чтобы ты жил, Бермес... – собираясь спросить еще про помощь, которую он предлагал, лира осеклась, заметив, как из-под закрытых век человека потекли слезы.

В душе разверзлись такие противоречивые чувства. Энире было жаль это маленькое создание, которое, кажется, никто никогда не любил, ей хотелось обнять его, приласкать, подарить хоть немного любви и человеческого тепла. Но, с другой стороны, лира испугалась этого подобострастия, исходящего от мелиграла.

Поэтому Энира решила отстраниться от него, аккуратно вытаскивая ладонь, чтобы не обидеть Бермеса.

– Ты хотел куда-то меня сопроводить? – мягко спросила она.

Бермес открыл посветлевшие глаза, в глубине которых плескалось серое море умиротворения.

– Бермес должен сопроводить Светлейшую к господину, – поклонился мелиграл. – Хозяин очень зол. Бермес будет рядом, чтобы помочь Светлейшей, если возникнет такая необходимость.

Сердце екнуло. Но Энира была к этому готова. Свои действия она считала справедливыми, поэтому спящая совесть усыпляла ее страх перед разгневанным правителем. Выпрямившись, лира с улыбкой произнесла:

– Веди.

Тяжелая дверь из темного лакированного дерева отворилась, впуская Эниру в кабинет султана Эссора. Яркий полуденный свет Илара слепящими волнами врвался в комнату из высоких окон, укутанных по краям тяжелыми алыми портьерами. Прямо напротив входа находился широкий резной стол, украшенный витиеватыми усами саданского остролистого вьюна, любовно созданными талантливым резчиком по дереву.

Однако стол сейчас мало интересовал Эниру. Гораздо больше ее волновал пышущий яростью султан, всем весом продавливающий красивую крышку стола, упиравшись в нее ладонями. Он тяжело дышал, на скулах разлились белые пятна гнева, ноздри раздувались, словно крошечные кузнечные меха, а в голубых глазах плескалась темная буря.

Находящихся в кабинете Шаха, Бирма, Ганса и еще одного незнакомого человека Энира даже не заметила под сметающей волной взгляда Дамаска.

– Подойди ближе и сядь, – вопреки своему устрашающему виду, тихо произнес он.

Набрав полную грудь воздуха, Энира выполнила приказ, сев на мягкий стул перед рабочим столом султана. Взирая на девушку сверху, Дамаск испепелял ее взглядом. Внутри всё обрывалось от страха. Как ни крути, а лира слишком мало знала правителя Эссора, чтобы быть уверенной в благополучном исходе этой истории. Умело скрывая обуревавшие ее чувства, лира спокойно смотрела в содалитовые глаза, которые, казалось, начали светиться.

– Ты не ценишь добро, Энира? – вкрадчиво спросил султан.

На миг замерев, лира смиренно ответила:

– Я ценю добро. А ценишь ли его ты, Дамаск?

По лицу султана пробежала тень смятения. Однако он быстро стер ее и, уже не сдерживая своей ярости, рявкнул:

– Как ты посмела освободить мою пленницу?!

Поигрывая пальцами по подлокотникам, Энира наклонила голову набок, медленно выгибая брови, показывая свое удивление. Ее мысль о том, что султана и Риккарду что-то связывало, подтвердилась. Его взбесил вовсе не побег квихельма, разъярила его пустая камера рыжей девушки.

– Так же, как ты посмел ее туда заточить, – словно камень кинула лира в Белого.

Султан тут же подорвался и подскочил к Энире, до боли вдавливая костяшки ее пальцев в ручки стула.

– Я сказал, что ты под моей защитой, и ты решила, что тебе всё дозволено? Что можешь лезть в мои дела? Совать свой нос в дела государства? Ты считаешь, что я не смогу тебя наказать за это? Не смогу казнить?..

Вообще-то лира была уверена, что казнить он ее не сможет, но ярость султана сейчас была так сильна, что любое слово девушки могло привести к печальному финалу. Прекрасно это осознав, Энира отпустила всю свою тревогу в душе, позволяя чувствам отразиться на лице.

– Я так не считаю, Дамаск, – тихо ответила лира, заставляя свои глаза слезливо заблестеть. – Ты можешь убить, казнить меня, бросить за решетку. Это твое право. Ты – султан. Но давно ли ты перестал быть человеком? – лицо Белого вытянулось в маску агрессивного непонимания. – Ты наказал ребенка за грех отца, но почему не наградил за милосердие матери? Не ты ли наречен народом справедливейшим из султанов? Так где твоя справедливость, Дамаск? Где хваленая честность и милость? Почему ты поступаешь так низко, заставляя страдать других, а не виновника своих бед? Ты сам понимал, что Рикка ни в чем не виновата. Ты бессовестно мучил ее. Она голодала, мерзла. У нее даже не было кровати, и она спала на «тюфяке», который больше походил на рваный мешок. Еще немного и она могла бы умереть! Так что не вини меня за то, что я поступила правильно вместо тебя.

Слишком много всего отразилось в темной голубизне глаз султана: от вины и стыда до явно клокочущего бешенства. Эмоции разрывали мужчину, и он разъяренно ударил в подлокотник стула так, что ножки жалобно скрипнули, меняя свое местоположение. Дамаск нервно заходил, стараясь не смотреть на Светлую.

Понимая, что слова добрались до совести султана, Энира едва слышно выдохнула, переместив взгляд к дальней стене, где на диванчике сидел Ганс с перевязанной шеей рядом с незнакомым, очень сильно шокированным мужчиной. Бледное напряженное лицо «немого» мага недвусмысленно выражало беспокойство за девушку. Как только он поймал ее взгляд, тут же ободряюще кивнул, одобряя сказанные слова.

Дамаск вновь к ней резко развернулся, и лира поспешно посмотрела на него.

– Ты должна была сначала поговорить со мной! – всё еще пыша негодованием, воскликнул султан.

– Это ничего бы не изменило. Ты не отпустил бы ее. Не смог. Но и условия бы ей не улучшил.

– Ты. Сделала это. За моей спиной! – чеканя каждое слово звонкой монетой, рявкнул султан.

– Я не планировала ее освобождать. Это вышло спонтанно...

– По пути, когда ты освобождала квихельма? – раздался за спиной хрипловатый голос.

Лира уже знала этот голос. Главный Командующий Эссора, мечтавший отдать ее Ардалу. Обернуться она не успела. Дамаск вновь подскочил к ней, вцепляясь в ручки стула и тем самым запирая ей пути отступления. Его глаза вспыхнули ледяным огнем с новой силой, прожигая Эниру до самого нутра. Он ничего не говорил, лишь прожигал взглядом, так что лира не выдержала и почти шепотом произнесла:

– Я не могла иначе, Дамаск...

– Ты знала закон, Эни! Я сам тебе о нем рассказывал. Знаешь ли ты, что полагается тому, кто спас смертника?

– Догадываюсь, – едва шевеля губами, отозвалась лира.

– Человек, освободивший смертника, должен занять его место.

Не обрывая зрительного контакта, Энира судорожно сглотнула. Дамаск был зол. Очень зол! Лира таких злых мужчин и не видела, наверное, никогда. Но та сакральная связь родства между ними была слишком прочна, и, несмотря на ярость, плескавшуюся в его глазах, Энира заметила нечто большее... надежду? Да, это походило на надежду. Он ждал от лиры оправданий, которые помогут обелить ее перед Триадой. Чтобы его Правящий круг услышал причины, почему он не может наказать ее.

– Ты волен бросить меня в подземелье или вздернуть на виселице, как велит твой закон, Дамаск. Но сколь крепок будет отныне твой сон? Ты знал мою связь с квихельмами. Знал, кто мои лучшие друзья. И всё же повел меня в ту камеру. Неужели ты думал, что я скрою этот факт от своих друзей, с которыми делюсь всем? И неужели ты думал, что после этого квихельмы не станут вызволять своего брата? Если ты изначально планировал убить меня, то не стоило придумывать столь изощренный план реализации этого замысла. А если нет, то почему винишь меня в том, к чему сам подтолкнул, не оставляя выбора?

– У тебя был выбор, – спокойней ответил султан.

– У меня не было его, Дамаск, – Энира максимально приблизила свое лицо к лицу мужчины, впечатывая взглядом в его сознание правоту своих слов. – Если бы Ганса или Бирма кинули в тюрьму, полагаю, ты бы не задумываясь отправился их спасать.

– Ты сама говорила, что не знаешь этого квихельма, – без особого труда выдерживал Дамаск вторжение в личное пространство, ни на миллиметр не отстраняясь от Светлой.

– Зато я знаю своих друзей, за которых готова отдать жизнь. И всё, что закон и истина для них, я должна принять и понять. Клятва Братству обязала их освободить квихельма. А я вынуждена была помочь им.

Султан поднялся и, обойдя стол, сел в свое кресло, начав задумчиво созерцать девушку напротив.

– То есть это моя вина? – обманчиво ровным тоном спросил Дамаск.

– Я этого не говорила, – тихо ответила Энира, потупив взор на танцующие мазки ярких красок ковра.

– Ты издеваешься, Дамаск?! – взорвался за спиной лиры гневный хрип, заставив ее вздрогнуть. – Девчонка тебе в уши мед льет! Я когда говорил Ардалу ее отдать, пока до беды не дошло? Теперь смотри, к чему это привело. Она тебе набрехала с три короба, что квихельм по ее душу пришел, а ты и поверил. На кой она ему сдалась, если с ней уже двое из Братства?

Убийца пришел, чтоб Триаду порезать, а она его благородно отпустила. Скольких в следующий раз ждать? Пару, тройку, десяток?..

Энира резко поднялась, разворачиваясь к крикуну, заставив его замолчать.

– Я прошу прощения, Шах ведь? – под личиной спокойствия и вежливости спросила лира, сдерживая внутри разъедающее пламя злости. – К сожалению, знакомство с вами вышло не самое приятное. Мне жаль, что я разбила вам нос и принесла массу других неприятностей. Я искренне прошу у вас за это прощения... – Шах с интересом наблюдал за медленно подходящей к нему девушкой. – Но у вас нет никакого права обвинять меня во лжи. Если бы я хотела вашей смерти или смерти Триады, поверьте, вы бы уже были давно мертвы. Хотя бы в тот день, когда был освобожден ваш «убийца». Я могла попросить прирезать лишь вас, того, кто угрожает моей жизни, не так ли?

– Эни! – предупреждающе одернул Дамаск.

– Нет-нет, пусть она договорит, – сладко протянул скорпус, скаля белые зубы в заинтригованной улыбке.

Глаза демона наблюдали за Энирой, черные, как сама Бездна, в которой плясал огонь. Она поймала себя на ощущении, что похожий взгляд уже не раз пожирал ее.

– Но я не сделала этого, – лира подошла к нему почти вплотную, смотря снизу вверх (не так давно она осознала, что в ней всё же есть Сила Светлых, способная вгонять мужчин в транс). – Вы ведь такой независимый, Шах. И никогда не страдали коленопреклонством, верно? Чего вы опасаетесь? Неужели боитесь Ардала? Боитесь настолько, что готовы исполнить любой их приказ? Или лично я вызываю у вас такое отвращение? Если дело лишь в этом, вам достаточно сказать, и я сделаю всё, чтобы не оскорблять вас своим присутствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.